

सत्यात् नास्ति परो धर्मः
НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ

ВЕСТНИК ТЕОСОФИИ

XXI век

№10

Содержание

Страницы истории

- Х. Шерман. Е.П. Блаватская и письма махатм 2*
А.П. Синнетт. Автобиография 4

Работа Теософического Общества

- Р. Бернье. О характере Теософического Общества 18*

Вопросы теософического учения

- Е. П. Блаватская. Протоколы ложи Блаватской 19*

Познавательное

- Ч. Ледбитер. Комната барона 28*

Москва
2012

Хью Шерман

Е.П. БЛАВАТСКАЯ И ПИСЬМА МАХАТМ

В 1885 г. Общество Психических Исследований выпустило отчёт комитета, назначенного расследовать «феномены, связанные с Теософическим Обществом». Отчёт касался в основном написания и доставки того, что было названо «письмами махатм» и связи Е.П. Блаватской с этим. В действительности комитет не исследовал предмета непосредственно, а полагался на отчёты Ричарда Ходжсона. Отчёт комитета заканчивался словами: «Мы считаем её (Блаватскую) не рупором невидимых мудрецов и не просто вульгарной авантюристкой; мы думаем, что она удостоилась титула самой совершенной, изобретательной и интересной мошенницы в истории, каковой её будут помнить всегда». (Труды ОПИ, III, 207 — Pro. S.P.R. iii, 207).

Друзья убедили Блаватскую не пытаться лично отвечать на эти нападки. Весь предмет писем махатм был слишком сложным и, для современного мира, слишком невероятным, чтобы выносить его на открытую дискуссию, а сама она по темпераменту своему не годилась выступать свидетелем по своему собственному делу или спокойно и умело участвовать в битве точек зрения. Миру было действительно невозможно доказать существование Учителей, но одно направление действий оставалось открытым — показать, что отчёт был очевидно недостоверным. Это достаточно квалифицированно делалось многими вплоть до нашего времени, и от построений Ричарда Ходжсона, единственного и достаточно неопытного исследователя ОПИ, не осталось и камня на камне.

Среди этих обломков до сих пор стоят сами письма махатм. Свидетельства касательно их феноменального способа доставки могут изучаться всеми интересующимися, и имеются многочисленные их репродукции, не говоря уже о сохранившихся оригиналах, чтобы всякий мог составить мнение о том, могут ли они быть подделками. Аргументы вместе с образцами почерков можно изучить по книге Джинараджадасы «Подделала ли Блаватская письма махатм?» (С. Jinarajadasa, «Did Madame Blavatsky Forge the Mahatma Letters?»).

Автор этой статьи много лет назад предоставил (не давая никакой дополнительной информации) образцы почерков К.Х., М. и Блаватской для исследования медику, специализировавшемуся на почерках. Тот сразу же отнёс предположение, что Блаватская могла подделать или изобрести почерки К.Х. и М., как невозможное. Затем он сказал, что эти два почерка очень примечательны. Хотя они очень разнятся в характере, оба они были почерками людей очень цельных и свободных от психологических конфликтов. Он сказал: «можно было бы назвать их мастерскими почерками». Такими были его буквальны слова.

Так что исторически и для большинства членов Теософического Общества честность Блаватской и подлинность писем махатм прошли через огонь испытаний, из которых они вышли оправданными и только

выросли в глазах тысяч людей. Начиная с 1920-х годов было выпущено несколько сборников этих писем. «Письма махатм А.П. Синнетту» были выпущены А. Тревором Баркером, а несколько других сборников — Ч. Джинараджадасой. Эти письма часто цитировались и многие люди принимали их как представляющие действительные слова Учителей Мудрости, написавших эти письма.

И тут мы подходим к кое-каким проблемам, которые с точки зрения автора должны быть исследованы ещё раз. Отбросив любые версии подделки или какого-либо злого умысла, мы всё же задаёмся вопросом: все ли письма были на самом деле написаны Учителями и действительно ли представляют их слова?

Ведь сейчас мы смотрим на эти письма через атмосферу, в которой ещё держится та пыль и тот блеск, которые были порождены отчётом ОПИ и многочисленными его опровержениями. Мы смотрим на них с не критичным пиететом позднейшего поколения, забыв, каковы они были на взгляд тех, кто фактически были получателями писем или участниками истории Теософического Общества в ранний её период.

Было сказано, что верное применение критицизма — это проверять рассудком послания интуиции. У многих членов Теософического Общества было ощущение серьёзного сомнения относительно некоторых из этих писем. Они чувствовали, что письма не полностью передают прямые слова Учителей, которым они приписывались, и что за многими выражениями присутствия Учителей не ощущается. Некоторые, пожалуй, даже испытывали чувство вины, поймав себя на таких мыслях, чувствуя, что это в какой-то мере предполагает недоверие Е.П. Блаватской, которой они столь многим обязаны. Небольшое исследование, однако, покажет, что им вовсе нет нужды чувствовать себя виноватыми в этом отношении, ведь Блаватская сама придерживалась того же самого взгляда на письма и выражала его куда решительнее и полнее, чем отваживался кто-либо из пришедших после неё.

«Едва ли одно их сотни оккультных писем, — писала она, — было написано рукой Учителя, от имени которого они были посланы; да у Учителей нет ни времени, ни досуга их писать. Когда Учитель говорит „я написал это письмо“, это значит лишь, что каждое слово в нём было им продиктовано и запечатлено под его непосредственным контролем. Обычно они используют своих чел, будь то находящихся рядом или далеко, чтобы писать (или осаждать) эти письма, впечатляя их умы идеями, которые они желают передать, и, если необходимо, помогая им в процессе осаждения, путём которого печатается изображение. И то, насколько точно будут переданы идеи и стиль письма, полностью зависит от уровня развития чела.» («Lucifer», III, с.93).

Синнетт был знаком с точкой зрения, что многие из писем были полностью написаны челами и не являлись непосредственными посланиями Учителей, даже если были написаны их почерками и были подписаны их инициалами, и сам эту точку зрения принимал. В 1888 г. полковник Олкотт показал ему подписанное письмо, написанное почерком К.Х., и после этого Синнетт написал Ч. Ледбитеру: «Оно представляется мне вполне относящимся к письмам, написанным синим и полученным во время кризиса 1884 г., касательно которого Блаватская сама потом призналась мне, что в то время Учителя стояли полностью в стороне и оставили всё разным челам, включая право писать синим.» (С. Jinarajadasa, «The K.H. Letters to C.W. Leadbeater», с. 75).

Таким образом мы видим, что если принять написанное и сказанное Е.П. Блаватской по поводу нескольких случаев, а также и сказанное в самих письмах, то большинство «Писем махатм», вероятно, написаны в пределах ограничений, накладываемых темпераментом разных учеников, и в характерных для них идиоматических выражениях, а многие из них написаны челами даже без наблюдения того Учителя, чья подпись под ними стоит.

Вполне могут спросить — если так, почему же об этом аспекте писем более открыто не заявила и не дала объяснений сама Блаватская? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны обратить внимание на некоторые любопытные черты её характера. В своей небольшой, но ценной книге «Работа и ценность мадам Блаватской» Т. Редферн указывает, что одно из самых убедительных свидетельств того, что письма не были написаны самой Блаватской, состоит в том, что некоторые из них содержат острую критику её собственного характера и поступков (Т. Н. Redfern, «Work and Worth of Madame Blavatsky»). Одна из вещей, ввергших её в большие неприятности, и всё же происходившая из её глубокой преданности Учителям, заключалась в том, что она приписывала им широкий спектр менее значительных психических феноменов, фактически производившихся ею самой. Эта трогательно неблагоприятная попытка улучшить репутацию «Братьев» принесла результаты, достойные сожаления. Редферн сочувственно цитирует один длинный фрагмент из писем махатм, где говорится об этой странной стороне её природы.

«Являлось или, вернее, является ли это недостатком интеллектуального восприятия у неё?» — вопрошает автор этого письма. «— Определённо нет. Это психологическая болезнь, над которой у неё мало контроля, если он есть вообще. Её импульсивная натура ... всегда готова вынести её за границы правды в область преувеличений, при этом, тем не менее, без тени сомнения, говорящего, что она этим вводит в заблуждение своих друзей и злоупотребляет их огромным доверием к ней». («Письма махатм», №91/ML54).

Всё это касалось её склонности часто приписывать «Братьям» «феномены самого ребяческого характера». Но в письме г-же Гебхард она сама признавалась, что делала то же самое и в отношении писем, очевидно, отчасти, чтобы избежать проблем и возможного непонимания, которые могли бы возникнуть, попытайся она объяснить методы, которыми были написаны эти письма. О себе она говорила, что «настаивала на том, что те или иные записки от Учителя написаны его почерком, всё время иезуитски, признаюсь, думая „в конце концов, это ведь написано по его указанию и его почерком, так почему я должна объяснять это тем, что не понимает и не может понять Истины, и пожалуй, лишь приводить дела в ещё худшее положение“».

Но это было не единственным её мотивом. Она также признавалась, что «использовала имя Учителя, когда думала, что мой авторитет ничего не стоит и искренне верила, что действую согласно намерениям Учителя». (Ч. Джинараджадаса, «Учение махатм», предисловие. — С. Jinarajadasa, «The Early Teaching of the Masters»).

В этом письме она снова указывает, что большинство писем были написаны не самими Учителями, а другими людьми и говорит, что «была поражена и шокирована, и сгорала от стыда, когда ей показывали записки, написанные их почерком, и ... демонстрировавшие ошибки в науке, грамматике и мыслях, а также напи-

санные языком, полностью извращавшим первоначальный смысл». Она говорила, что «очень редко махатма К.Х. диктовал буквально; осталось лишь несколько возвышенных высказываний в письмах от него Синнетту, записанных, когда он делал это» (там же).

Есть и ещё одна проблема, касающаяся писем махатм, которую осталось обсудить в связи с Е.П. Блаватской, хотя, вероятно, она никогда и не будет разрешена. Некоторые члены Т.О. говорили автору, что чувствовали уверенность в том, что некоторые материалы в этих письмах исходили от самой Е.П.Б. и представляли её собственные мысли и мнения. Как мы увидим, этого мнения придерживался А.П. Синнетт, и кое-какие подтверждения этого можно найти и в её собственных словах. Идея не в том, что она сама писала эти письма, а в том, что она в значительной степени являлась медиумом, делавшим возможным их доставку, и в них бессознательно проникло много её собственного материала. Мы знаем, что в языке этих писем многое происходит по крайней мере из того языкового запаса, которым пользовалась она сама. Одно из самых правдоподобных и красноречивых направлений критики, выдвинутой Ричардом Ходжсоном, была демонстрация того, что язык, использование слов, правописание и построение предложений писем К.Х. были во многих пунктах тождественны тем, что присутствовали в работах самой Блаватской (Proc. S.P.R., III, 306). Сама она в письме к г-же Гебхард признавалась: «Два или три раза письма осаждались в моём присутствии челами, не говорившими по-английски и бравшими идеи и выражения из моей головы» («Учение махатм», предисловие).

Отсюда мы видим, что из её головы в письма мог перейти не только язык, но и идеи. Некоторые чувствовали, что это перетекание собственных идей Блаватской в письма могло быть даже более широкомасштабным, чем она сама осознавала. Автору был предложен один пример, который может исследовать всякий заинтересованный исследователь — это случай с учениями, касающимися посмертного состояния самоубийц и жертв несчастных случаев, присутствующими и в письмах махатм, и в сочинениях самой Блаватской, но не получившими никакого последующего подтверждения опытом каких-либо психистов как в Теософическом Обществе, так и вне его. Могло ли быть так, что эти учения исходили исключительно от самой Е.П. Блаватской?

Она дала живое описание того, как вещи, которые она в юности считала записанными под диктовку умершего человека, оказались происходившими полностью из бессознательных запасов её собственной памяти (А. Хьюм, «Намёки на эзотерическую теософию» — А.О. Хьюм, «Hints on Esoteric Theosophy», I, 120). Могло ли нечто похожее случиться, когда она была занята передачей писем? В связи с этим некоторый интерес представляет письмо 153/ML134 «Писем махатм к Синнетту». Она заявляла, что записала его под диктовку Учителя М., но позже в письме писала, что «перевела» сказанное им («Перевожу последнюю фразу М...»). Тон и содержание этого письма таковы, что когда оно было позже опубликовано, полковник Олкотт отверг его подлинность и написал в «Теософисте» (апрель, 1895), что оно «грубо нарушает основополагающий принцип нейтральности и эклектизма, на котором с самого начала строилась Т.О.»

Синнетт по-видимому верил, что медиумизм Блаватской значительно снизил ценность писем и по этой причине считал, что они не должны быть опубликова-

ны. В 1905 г. он писал: «Вся эта переписка страшно засорена тем, что я могу определить только как собственный медиумизм Блаватской... Выдержки, которые я опубликовал в „Оккультном мире“, были отобраны с величайшей тщательностью, и они, я уверен, отражают мысль Учителя с достаточной точностью. Но нужно всегда помнить, что сообщения от Учителя, осаждённые через медиумизм челы, не могут всегда считаться его буквальными словами.» (Ч. Джинарадхадаса. «История писем махатм». — С. Jinarajadasa, «The Story of the Mahatma Letters», с.25).

Авторы писем и сами указали, что они не должны быть напечатаны. «Мои письма не должны публиковаться...», — писал К.Х. И снова: «Письма эти ... написаны не для публикации и комментариев публики, а лишь для личного использования, и ни М., ни я никогда не дадим согласия на такое обращение с ними» (письмо 128/63). Содержание писем было охарактеризовано им как «сырой и сложный материал» (там же).

Последовавшие за Е.П. Блаватской в XX веке мало говорили об этих письмах. А. Безант не могла сказать ничего, что могло бы восприниматься как враждебный критицизм в адрес её учителя, Е.П.Б. Но она определённо сожалела о публикации писем к Синнетту. Ч. Ледбитер также мало говорил об этих письмах, хотя и был получателем нескольких. В своей небольшой книжке «Послания невидимого» («Messages from the Unseen») он выразил мнение, что они были в значительной степени написаны челами (цитируя в подтверждение этого Блаватскую) и вовсе не должны считаться прямыми посланиями Учителей или точным изложением их учения. Джинарадхадаса, много писавший об этих письмах, обычно упоминал их формально как пришедшие от Учителей, но в то же время, как явствует из ссылок в этой статье, опубликовал большую часть свидетельств в пользу неясного и составного авторства писем. А. Тревор Баркер, опубликовавший «Письма махатм к А.П. Синнетту», похоже, был единственным из людей, связанных с письмами, кто подавал письма как действительные слова Учителей, имеющие силу определяющего авторитета по всем предметам, с которыми они имеют дело. Точка же зрения самих Учителей на этот вопрос, пожалуй, за пределами наших способностей умозрения. Но мы можем полагать, что они чувствовали, что всякий, кто воображает, что оккультное может быть удовлетворительно изложено в словах, или что истинность или мудрость любого высказывания зависит от почерка, которым оно написано, имеет неадекватное представление о предмете и не должен приниматься слишком всерьёз. Кроме того, совершенно помимо сообщений от самих Учителей, ввести кого-либо из внешнего мира в соприкосновение даже с челою, или тем более с самой Е.П. Блаватской, — это уже оказать благодеяние и дать немалый стимул.

Письма содержат огромный спектр очень мудрых высказываний и прозрений, что делает весьма ценной деятельность таких писателей как Джинарадхадаса и Клара Кудд по составлению антологий. Но безупречным авторитетом они не являются.

(„The Theosophist“, июнь 1967)

Д-р Хью Шерман, историк, писатель и лектор, долгое время был главным исполнительным лицом Т.О. в Северной Ирландии, а также входил в руководство Международного Т.О. Автор более 20 книг; за вклад в теософическую литературу награждён медалью им. Суббы Роу

А.П. Синнетт

АВТОБИОГРАФИЯ

(Печатается в незначительном сокращении)

Я решил подготовить запись опыта, через который мне пришлось пройти в этой жизни, для публикации когда-нибудь в будущем. Сейчас физическая фаза моего существования подошла к концу, и это будет опубликовано, если попечители, которым я оставляю рукопись, решат так с нею поступить. Как сборник воспоминаний с бытовой точки зрения эти записи не будут иметь ценности. Рассказ об этом моём воплощении не был бы интересен никому, кроме немногих близких друзей, если бы касался только малозначительных мирских событий, но оно так глубоко переплетено с началом великого теософического движения, и это обстоятельство может вызвать у будущих теософов интерес к личности, связанной на ранних этапах с его великолепным развитием.

Моя книга «Оккультный мир», описывающая обстоятельства, при которых я вошёл в соприкосновение с великим Учителем, адептом, от которого я впоследствии получил учение, позволившее мне написать следующую книгу — «Эзотерический буддизм» — вероятно, знакома всякому, кому доведётся читать следующие страницы. Так или иначе, в ходе моего нынешнего повествования не стоит повторять этот рассказ. Когда я подойду к описываемому в нём периоду, мне придётся опять на него сослаться, но сначала позвольте мне заняться более ранними годами моего нынешнего воплощения.

Тем не менее, многие болезненные опыты тех ранних лет обретут для изучающего оккультизм более ясное значение, если ту историю, которую я собираюсь рассказать, предварить некоторым рассказом о предыдущих воплощениях, через которые я прошёл. Я не заявляю, что помню их, но, как известно всем изучающим оккультизм, людям, обладающим достаточными психическими способностями, возможно вспомнить не только свои прошлые жизни, но и идентифицировать в прошлом тех, кого они знают по нынешней жизни, и так проследить не только свой эволюционный путь, но и их. В общих чертах факты, касающиеся трёх моих жизней, предшествовавших этой, были сообщены мне давно великим Учителем, от которого, при обстоятельствах, подробно описанных в «Оккультном мире», я получил учение, изложенное мною в той и других подобных книгах. После этого они наблюдались и продвинувшимися учениками-оккультистами, имевшими достаточную для этого квалификацию, и были во многих отношениях расширены. Располагая этой помощью, я получил много отрывочной информации, касающейся жизней, задолго предшествовавших тем, карма которых хорошо заметна в моей нынешней жизни, но для моей нынешней цели необходимо коснуться только двух, предшествующих той, в ходе которой я это пишу.

Перечитывая эту запись в 1914 г., я нахожу желательным добавить, что с тех пор как я это писал, я узнал, что у меня было ещё одно воплощение после двух вышеупомянутых — это было в Елизаветинскую эпоху, когда я был известен как сэр Джон Спенсер, богатый купец, удостоившийся близкой дружбы с Фрэнсисом Бэконом. Кое-какие факты касающиеся жизни Спенсера приведены в «Национальном биографическом словаре» (Dictionary of National Biography), но она была не очень тесно связана с моим продвижением по пути оккультизма или откатыванием назад, так что Учитель К.Х. её не коснулся, когда рассказывал мне о моих древнеримской и древнеегипетской жизнях.

Около 4000 лет назад я жил в Египте (в основном в Мемфисе) и служил в должности, которую я наверно должен назвать жрецом (хотя это выражение не кажется мне привлекательным) при одном из храмов. Хотя тогда на широкую публику не изливался такой поток знаний, как в наше время, существование того знания, которое мы теперь называем высшим оккультизмом, было общепризнано. И в той жизни, о которой я сейчас рассказываю, я уже осознал важность стремления подняться по Пути, если использовать современное выражение, и даже получил важные оккультные посвящения, предполагающие обет преданности дальнейшему духовному прогрессу. Но этот прогресс был прерван могучей эмоцией другого рода. Меня снесла с Пути захлестнувшая меня сила великой любви. Теперь я знаю, что женщина, ставшая объектом той любви, была связана со мною разнообразными путями на протяжении многих жизней. И ради неё в той египетской жизни я нарушил принятые обеты. Поскольку мне придётся ещё говорить о ней, чтобы эта история имела хоть какую-то ценность для читателя, позвольте мне назвать её условным именем, пусть это имя будет Вера.

Я не помню, достиг ли я в той египетской жизни хотя бы временного счастья, соразмерного той жертве, которую я сделал в погоне за ним, но кармические последствия были необычными. Насколько я понимаю ход событий, за мной в тот момент не числилось плохой кармы, достойной упоминания. А как известно изучающим оккультизм, закон кармы даёт нам то, чего мы желаем, если мы не ставим на пути препятствий неверными действиями, несовместимыми с осуществлением наших желаний. В той египетской жизни я ясно показал, что моим высшим желанием было личное счастье, т.е. я желал наслаждаться любовью Веры. Нарушенный мной обет имел отношение к моему духовному прогрессу, и карма этого поступка не действовала в отношении мирских обстоятельств. С тех пор она проявлялась, и достаточно разнообразно, но не стояла на пути моего главного желания. Так что в своей следующей жизни (опять я вынужден вставить примечание — с тех пор я узнал, что до римского периода у меня были и другие египетские жизни, хотя общий ход моего рассказа и не потребует больших поправок) я воплотился в Риме в I веке просто баловнем судьбы — среди этих благ было и богатство, и высокое положение, — и с Верой, тогда тоже воплотившейся, в качестве моей жены.

В мою задачу сейчас не входит углубляться в подробности той жизни, даже в той ограниченной степени, в какой позволяет это сделать моя осведомлённость. Достаточно сказать, что все обстоятельства способствовали моей свободе следовать каждому эгоистическому побуждению, и я создал то, что называют плохой кармой, в примечательном изобилии. Я не имею в виду, что я стал жертвой излишеств, составивших той эпохе

дурную славу, но очевидно, моим главным занятием была погоня за мирскими удовольствиями — что, помимо многих других последствий, которые я могу лишь смутно соотнести с прошлым, глядя на опыт нынешней жизни, привело к явной измене жене. Я понимаю, что искренне её любил, но другие привязанности, созданные мною, оскорбляли её и причиняли ей боль.

И именно характер той римской жизни (если можно считать мою елизаветинскую жизнь интерлюдией, относящейся к совсем другому потоку кармы) послужил причиной того, что неумолимым законом я был брошен в многочисленные неприятности той жизни, которая теперь близится к завершению. Друзья, которые думают обо мне просто как о привилегированном человеке, которому посчастливилось выдавать миру оккультное учение, не имеют понятия о тех мрачных тяготах, через которые я прошёл в ранний период своей жизни.

Мне дали понять, что мой дед был процветающим врачом, который по моде той эпохи проиграл своё состояние. Его сыновьям пришлось выплывать или тонуть самим, оставленными на произвол судьбы. Мой отец вышлыл на журналистике и литературе. В 1825 г. он женился на моей матери Джейн Фрай, о жизни которой я знаю очень мало. Он умер в 1844 г. в возрасте около 45 лет, оставив мою мать и её семью без средств к существованию. Я родился 18 января 1840 г.; точной записи времени рождения у меня нет. Я только знаю, что это было поздно вечером. Моя жена, изучавшая астрологию, уточнила время как 22.30 или 22.45.

Нас было несколько детей. Старшая, Джулия, была многообещающей девочкой, поэтически одарённой, но умерла совсем молодой вскоре после смерти отца. Следующая, София, дожила до преклонного возраста, но провела многие годы прикованной к постели. У неё был заметный художественный талант, но она страдала от плохого здоровья и бросила живопись, не успев добиться признания. Мой брат Фредерик заболел лёгочной болезнью ещё в молодости, уехал в Австралию, добился там успеха как журналист и умер примерно в 1886 или 1887 г. Следующий ребёнок, моя сестра Эллен (ещё живущая, когда я это пишу) в юности зарабатывала гувернанткой, но удачно вышла замуж за Эдварда, сына известного филантропа-просветителя Уильяма Эллиса. У неё есть дочь и несколько сыновей, и у всех дела идут неплохо. Они сменили свою фамилию на де Везэн, как они по праву должны называться, потому что такой была первоначально фамилия их семьи во Франции.

Как известно изучающим оккультизм, мы не приходим в воплощение по одиночке, вне связи с теми, с кем уже были связаны в прошлых жизнях. И хотя позднейшие исследования позволили мне выявить среди своих современников достаточное количество друзей и родственников по прошлым жизням, нынешняя родственная связь не обязательно коренится в прошлом. Насколько я мог пока что убедиться, у меня не было кармических уз, привязывающих меня к семье, в которой я родился в этой жизни. Моя карма, я полагаю, предполагала болезненное воплощение и необходимость страданий, что моё окружение и обеспечивало.

Литературные таланты и неутомимое трудолюбие моей матери обеспечивало нам — только-только — крышу и хлеб в течение моего детства. Мои старшие сёстры с самого раннего возраста, как только было возможно, стали поддерживать семью своими заработками в качестве гувернанток, но я помню постоянную озабоченность насчёт денег, от которой страдала моя мать.

Меня отправляли в дешёвые школы по соседству там, где мы жили — в Кэмдене и Кентиш Тауне, и как я смутно помню, учёба там была очень неприятной — отчасти по причине моего робкого характера (который, полагаю, был результатом женского воспитания), что сделало меня жертвой школьных задира. Затем пришло время, когда я был послан в Лондонскую Университетскую Школу на Гауэр стрит, и для меня получили разрешение обучаться там, не платя обычных взносов. Оно было получено благодаря вмешательству моей тётки, мисс Сары Фрай, которая была гувернанткой и давала уроки в семье м-ра Ки, завуча этой школы.

Эта договорённость оказалась не очень успешной и много лет не продлилась. Я достаточно неплохо успевал по элементарной математике и французскому, но был не в состоянии достичь успехов в латыни и у меня постоянно были связанные с этим неприятности.

Моя внешкольная жизнь в тот период стала несколько светлее благодаря доброте сестёр Джона Стюарта Милла. Моя мать была знакома с их семьёй и мы часто ходили к ним в гости на Кенсингтон Сквэр. Так что я помню мать Милла, что сейчас кажется глубокой стариной. Помню, что когда мне было 12 лет, с одной из мисс Милл мы отправились посмотреть похороны герцога Веллингтона из сада Малборо Хауса — в то время он был не королевской резиденцией, а просто общественным зданием, используемым для разных контор.

Мой краткий школьный курс закончился следующим образом. У меня возникла глубокая неприязнь к учителю латыни, и одним утром я имел глупость написать мелом на доске в кабинете математики оскорбления в его адрес. Меня выявили, так как всех мальчиков опросили, и я, рад теперь признаться, не стал врать. Меня вызвали к завучу и заставили выучить 500 строк на латыни, причём я должен был находиться взаперти, пока это не будет сделано. Дисциплина в этой школе осуществлялась без всяких телесных наказаний.

После того, как я несколько дней находился взаперти в школе с утра до самого вечера, нисколько не продвинувшись в данной мне задаче, мать забрала меня из школы совсем и дала мне работу, подходящую моим вкусам — черчение. В то время все мои склонности были направлены к инженерной деятельности, но у меня не было денег, чтобы законно заняться этой профессией. Моим единственным шансом было начать в качестве чертёжника. Скоро я приобрел неплохие навыки в этом деле и с помощью сестёр Милл был взят в качестве бесплатного подмастерья в чертёжную контору одного из патентных агентств в Линколнс Инн Филдс. Со мной не очень великодушно поступили, так как я выполнял ту же самую работу, что и старшие, получавшие полную плату чертёжники, так что этот период я тоже вспоминаю, как очень несчастливый. Главному чертёжнику я не нравился, так как он поначалу видел во мне мальчика на посылках. Я протестовал против такого подхода, и старший партнёр фирмы принял мою сторону, но эта неприятная напряжённость не была большим облегчением, хотя в конце концов я был удостоен щедрого жалования в 10 шиллингов в неделю.

Позже, уже как вполне компетентный чертёжник, я получил нормально оплачиваемую работу в других фирмах и наконец был в состоянии зарабатывать себе на жизнь и облегчить нагрузку на скудные заработки матери.

Раз уж я обратился к периоду своего детства, тут пожалуй будет уместно попытаться дать читателю более ясное представление о примечательной личности моей матери. Если бы ей больше повезло, я уверен, что она добилась бы известности в литературе. Единственная важная книга, которую она смогла написать, будучи вдовой, «Обходные пути истории» (Byways of History), привлекла внимание, но необходимость зарабатывать на хлеб для детей не дала ей продолжить создавать оригинальные труды и всё мое бедное детство она зарабатывала переводами и писала для журналов, если могла получить от них хоть несколько фунтов. Должно быть, когда она писала свою книгу, у неё ещё оставалась деньги от моего отца, т.к. она ездила в Германию, взяв меня, ещё маленького, с собой, и остановилась на некоторое время во Франкфурте, собирая материал. Конечно, мои воспоминания об этом периоде самые смутные. Чёткие воспоминания начинаются с более позднего периода, когда мы жили в маленьком домике в Кентиш Тауне.

В моём распоряжении ещё остались некоторые старые дневники, которые моя мать вела в тот период. Это лишь фрагменты, не дающие связной истории её жизни. Я не всегда могу выяснять, где они написаны, они касаются больше состояния чувств, нежели событий, так что это очень грустное чтение, ибо жизнь моей матери в то время была омрачена разнообразными бедами и печалью.* < . . . >

К 19 годам у меня появилась склонность писать. Я составил некоторое мнение о несовершенстве патентных законов и написал на эту тему памфлет, опубликованный мистером Риджвезем, который, я думаю, знал моего отца. Он обладал влиянием в вечерней газете «Глоб», и устроил меня там на должность ассистента редактора.

Это означало значительное улучшение моего положения. Я получал жалование в 3 фунта в неделю и вскоре подружился со своим непосредственным начальником, Хербертом Стэком. Это была во всех отношениях очень важная поворотная точка в моей карьере. Я ещё всё ещё жил с матерью в разных съёмных квартирах, но познакомился со многими друзьями м-ра Стэка и моя дружба с ним переросла в очень сильную привязанность. Дж. С. о'Дауд тоже работал в «Глобе», и мы с м-ром Стэком иногда проводили воскресенья в на реке в Кингстоне. Это был для меня очень приятный опыт. Тогда началось волонтерское движение, и трое из нас — Стэк, я, и Джордж Хупер, тоже работавший в «Глобе», присоединились к отряду Южного Мидллсекса под командованием лорда Рэнело. После тренировок мы иногда ужинали у Хуперов (в Бедфорд Гарднз, Кенсингтон), и в один из этих вечеров я встретил там Веру!

Она была немкой по рождению, у неё было великолепное контральто и она приехала в Англию, собираясь сделать карьеру концертной певицы. Я познакомился с ней. Случилось так, что из-за безразличия редактора «Глоба» Уилсона к подобным вещам билеты в театр и оперу имелись у нас в избытке, и я имел достаточно свободный доступ к ним. Таким образом, у меня была возможность часто ходить с Верой в оперу, которая была тогда в расцвете: Гризи и Марко пели в Ковент-Гардене, а Титъен и Гуильбини — у Её Величества. Конечно, я влюбился в Веру почти сразу и иногда навещал её вечером. В один из этих вечеров я ей признался, и моё предложение было принято.

* Здесь пропущено несколько страниц из этих дневников. В остальном текст печатается без сокращений. — Прим. ред.

В то время она жила в очень приятной квартире вблизи церкви св. Джона Вуда. Я думаю, что я ей действительно очень понравился, но она не сразу осознала безнадежность моих перспектив. Несколько месяцев нашей помолвки прошли в безумном счастье, и я закрывал глаза на будущее. Моя мать, конечно же, этой помолвки не одобрила.

Отец Веры был пастором в Гамбурге. Во время нашей помолвки он нанес визит в Англию и конечно совершенно не одобрил её, но Вера была независимой во всех отношениях и создала у меня впечатление, что будет верна мне, но оглядываясь на мелкие признаки, которым я в то время не придавал должного значения, я чувствую, что у неё созревало убеждение, что эта связь должна быть разорвана.

Трудно преувеличить интенсивность моей любви к ней. Случилось так, что и ей пришлось в свою очередь посетить отца. Я провожал её до самого Кале и расстался с ней в поезде только на следующее утро.

Я вернулся в Лондон, живя в надежде на письма от неё, но так ни одного и не получил. Шли недели, и едва ли можно преувеличить агонию моих страданий от неопределённости. Наконец, в отчаянии я телеграфировал её отцу, спрашивая новостей о ней, и получил от него письмо (на немецком, так что не мог толком его прочитать), где он сообщал, что она оставила все мысли о продолжении помолвки. К тому времени у меня было близкое знакомство с очень примечательным человеком немецкого происхождения, Отто фон Венкштерном. К нему я и отправился с этим письмом, и он полностью перевёл мне его. Его мудрое сочувствие не было высказано в какой-либо банальной форме. Напротив, он сказал: «это окрасит всю твою жизнь». Так оно и вышло.

Вскоре Херберт Стэк почему-то впал в немилость у владельцев «Глоба». Я не помню подробностей, но мне думается, что он стал пренебрегать работой из-за любовных отношений с замужней женщиной, которые в то время поглощали всё его внимание. Так или иначе, его уволили, и на время я стал заместителем редактора. Но мне как-то не удалось удовлетворить работодателей. Возможно, скорбное состояние моего ума снизило мою эффективность, и через некоторое время мне тоже сказали, что в моих услугах больше не нуждаются.

Помимо работы в «Глобе» и после неё я писал рецензии для «Морнинг кроникл», но дела газеты стали идти плохо и она перестала выходить.

Тем временем Херберт Стэк получил должность редактора в «Бирмингэм дэйли газетт». Я встретил его там, и на время он дал мне работу в этой газете. Я уже не помню обстоятельств, из-за которых она прекратилась, но я отправился в Манчестер, чтобы на время занять должность ведущего журналиста в «Манчестер гардиэн». После этого, в 1864 г., я вернулся в Лондон.

Некоторое время я очень нуждался. В сентябре 1864 я отправился в Швецию в качестве специального корреспондента «Дэйли ньюс», и по дороге туда встретил майора Мэсси, спецкора «Стэндард» и главу большого семейства, с которым позже, по возвращении, у меня завязалась близкое и приятное знакомство.

Я оставался без регулярной занятости и стабильных доходов и после своего возвращения из Швеции на протяжении большей части последовавшего года, и внешняя мрачность моих обстоятельств усиливала моё внутреннее бедственное состояние, потому что прошло несколько лет, прежде чем тоска по моей потерянной любви хоть немного ослабла.

В июне 1865 г. я отправился в качестве корреспондента «Дэйли телеграф» в Валенсию, на западный берег Ирландии, на борту «Грэйт истерн», который тогда отправлялся в свою первую экспедицию по прокладке кабеля через Атлантический океан. На судне собралась интересная научная компания, в которой был и профессор Томсон, как звали его тогда (впоследствии ставший лордом Кельвином). Я мог остаться постоянным спецкором «Дэйли телеграф», но мне предложили стать редактором «Гонконг дэйли пресс», и перспектива радикальных перемен, предполагавшая переезд в Китай, склонила меня принять это предложение, ибо я надеялся, что полная перемена обстановки позволит мне отвлечься от своих страданий. В октябре 1865 г. я отплыл в Гонконг на пароходе компании «P & O» из Саутгемптона. По дороге мне удалось увидеть египетские пирамиды, так как в те времена пассажиры, прибывшие из Англии, ожидали несколько дней в Каире парохода, отплывающего из Суэца.

Это гонконгское назначение стало поворотным пунктом в моей мирской карьере. За три года жизни в этой колонии я накопил 7 или 8 тысяч фунтов и в 1868 г. вернулся домой через Японию и Америку, которую пришлось пересечь на повозке, так как железная дорога в своём продвижении на запад тогда достигла только Миссури.

О трёх годах в Гонконге мне нечего особо сказать. Тамашнее [колониальное] сообщество представляло собой торгашескую плутократию. Время, не занятое работой (в которой я достиг значительных успехов) я проводил в игре в карты, которая была главным развлечением среды, в которую я попал. Но когда бы я ни увлекался азартными играми, что бывало в разные периоды моей жизни, я ни разу не терял самоконтроля, когда мне не везло. Я проигрывал и выигрывал, и теперь даже не могу сказать, в какую же сторону склонился мой общий счёт.

Когда я пересекал Американский континент, моими спутниками были некий доктор Бурн и молодой человек по имени Эбди, но с тех пор я полностью потерял их из виду. По дороге я остановился примерно на десять дней в поселении мормонов Солт-лэйк-сити, находившемся тогда полностью в их руках, и подружился с некоторыми из них, а также имел возможность поговорить с Брайэмом Янгом.

Впечатление, сложившееся у меня о мормонах, сильно отличалось от мнений, преобладавших тогда в Соединённых Штатах. Люди — а тогда на всей территории штата Юта жило около ста тысяч человек — были дисциплинированы, вели себя хорошо и были в необычайной степени трудолюбивы. В самом городе Солт-лэйк-сити не было каких-либо пороков и преступлений, и девушки могли поздно вечером возвращаться из гостей и прочих развлечений без малейшего риска, что на улице к ним станут приставать. Во всём городе не было питейного салуна, а что до многожёнства, о котором так много говорят, то оно играло очень малую роль в общественной жизни. Только старейшины церкви, строго державшиеся своего учения, имели больше одной жены, а клеветническая теория, распространённая в США и Европе, что всё дело в распущенности и потакании страстям, самым нелепым образом не согласуется с фактами.

Наконец через Ниагару мы достигли Нью-Йорка, и я почти сразу же отправился в Лондон.

Первым из старых друзей, с которыми я повидался, был Хенри Стэк, брат моего большого друга Херберта

Стэка, и он рассказал мне о семье, с которой они недавно познакомились — об Эденсорах. Они были очарованы ими. Меня собирались представить им при первой же возможности. В том факте, что я услышал о них, как только вернулся из-за границы, есть особое значение. У меня, особенно во время возвращения домой, было ощущение, что продолжать оплакивать мою потерянную любовь было бы чем-то вроде сумасшествия. Я решил отрезать себя от этого ужасного эпизода, собрав все имевшиеся у меня письма Веры и её портрет, и выбросив их за борт посреди Тихого океана. Я решил, что единственное, что мне оставалось — это жениться, и таинственные силы, управляющие нашими жизнями, не стали терять времени, чтобы навести меня на верный путь, ведущий к этому результату.

Меня сразу же приятно поразила младшая из сестёр Эденсор, Пэйшенс, на которой я в конце концов и женился. Теперь, когда более через сорок лет я это пишу, я могу сказать, что этот союз стал осуществлением давних кармических уз, о которых в то время я не мог даже подозревать. Высший авторитет заверил меня, что если бы моё раннее желание было удовлетворено, мой контакт с оккультным миром был бы отложен на много жизней. А мой брак с Пэтти, — как я всегда её называл, — привёл к возвышенным, с оккультной точкой зрения, последствиям, но о них я напишу позже.

Трудно будет описать ранние годы нашей супружеской жизни, точно отразив весь ход событий, будучи теперь под впечатлением восхитивших меня возвышенных черт характера моей жены, которая, уже покинув эту жизнь, обрела такие духовные достижения, великолепие которых нельзя вполне постичь физическим мозгом. Но эти ранние годы были не лишены тёмных сторон, как бывает всегда, когда сильная физическая страсть со стороны мужчины не встречает адекватного отклика. Но мне не следует сгущать краски — наша дружба была во многих отношениях приятной ещё и до того, как стала облагорожена духовным прогрессом.

До своей женитьбы я делил жилище с Хенри Стэком во многих местах вблизи Лондона и скоро завязал отношения с газетой «Стэндард», которую тогда редактировал капитан Хэмбер. Я посылал туда подробные описания, касающиеся моего путешествия домой, и ещё до приезда обеспечил себе место ведущего автора. Затем я получил постоянное место в этой газете, и многие годы писал все передовые заметки в «Ивнинг стэндард». Эта работа давала разумное оправдание моему браку, который состоялся 6 апреля 1870 г. в церкви св. Иоанна, в Ноттинг Хилле. На медовый месяц мы отправились через Фолкстон в Париж.

Моя жена вскоре начала вести дневник; это была запись событий, которую мог читать кто угодно, а не личный дневник мыслей и чувств. Она вела его всю нашу совместную жизнь, так что теперь он составляет 31 том рукописей, сверяясь с которыми я теперь могу быть точным в датах и порядке развития событий в такой степени, в какой не мог бы, если бы мне пришлось полагаться лишь на свою память.

Ещё до свадьбы мы сняли небольшой домик на Лэдброк Гров, 15, где мы поселились после нашего возвращения из Парижа.

Моя мать умерла 13 ноября 1870 г. Её невесёлая жизнь получила подавляющее завершение, ибо её разбил паралич, ослабивший не только её тело, но и некогда блестящий интеллект.

Джоун, старшая сестра моей жены, к тому времени вышла замуж за Клементя Редферна, и наш свадебный

завтрак состоялся в доме на Трагантер роуд, где жили они. Позже они переехали ближе к нам на Бэйуотер роуд. Мы часто проводили вечера там, в нашем доме или у Херберта Стэка на Холлэнд Виллас роуд, встречаясь вместе для игры в карты, что мы тогда чрезвычайно любили. Нашей любимой игрой был покер, который я привёз из Китая, так что год или два мы провели приятно, хотя и довольно беспечно.

В августе 1871 г., взяв месячный отпуск, мы с Пэтти отправились в заграничное путешествие — сначала в Спа, в Бельгию (будучи привлечены тамошними азартными играми). Мы оба разделяли вкус к игре, но ни в коей мере не теряли голову. Иногда мы немного проигрывали, а иногда немного выигрывали. Из Спа мы отправились через Кёльн по Рейну в Швейцарию, Интерлакен, Муррен, Люцерн, а оттуда, через Остенд, домой. Это было очень приятное путешествие.

Долгое время я был под впечатлением того убеждения, что единственный способ преуспеть в журналистике — это получить хорошее редакторское место в Индии. Такое предложение встретилось мне в середине 1872 г. Стать редактором «Пайонира» мне предложил его владелец Джордж Аллен, находившийся тогда в Лондоне, и, уволившись из «Стэндарда» я принял это предложение. В ноябре 1872 г. мы отправились в Индию через Париж, Турин (через туннель Мон-Сенис), Милан и Венецию. На пароходе «Мальта» мы приплыли в Александрию, далее на поезде пересекли перешеек (это было ещё до открытия канала), а затем на «Пекине» в Бомбей. Наконец, после утомительного железнодорожного путешествия, длившегося 36 часов, мы достигли места нашего назначения — Аллахабада. Поскольку дом, нанятый для нас, ещё не был готов, мы несколько дней пользовались гостеприимством мистера и миссис Уорнер. Затем мы получили собственную квартиру — поначалу очень неудобную, но за неделю или две мы устроились, после чего начался период жизни, который вряд ли стоит описывать в подробностях. В целом мы получали от него удовольствие — было много веселья, выездных обедов и прочего, что мы находили приятным; вторую половину дня мы почти каждый день проводили в саду за игрой в бадминтон, а отсутствие стеснённости в деньгах было приятной переменной наших обстоятельств.

С наступлением жаркой погоды Аллахабад значительно пустел, поскольку правительственные чиновники северо-западных провинций (как тогда называлась наша часть страны) переезжали в Найни Таль, но мы оставались, перенося жару легче, чем другие жители. К тому времени я уже привык к своей работе. В начале всё шло вовсе не так гладко, потому что мне вредил завистливый и неразборчивый в средствах ассистент, но после множества трений я продолжил вполне хорошо.

Дневник за тот период представлял собой пространную запись развлечений в обществе. По англо-индийскому обычаю в число наших знакомых входили почти все жители станции, и из них вокруг нас собрался блестящий маленький кружок — Тиррел, тогда регистратор Верховного Суда, а потом судья, Карпентер, видный чиновник, Джордж Росс, адвокат, Джердин, ведущий адвокат, а позже и Оклэнд Колвин, должностное лицо европейского квартала и Джон Эллиот из департамента образования, ставший потом выдающимся метеорологом. Мы могли свободно предаваться тихим развлечениям, и мне сказали, что нашу сравнительно скромную компанию стали называть «маленьким голландским домиком». Летопись этого периода была ом-

рачена одним печальным случаем. Джердин был только что назначен судьёй Верховного Суда; это почётное назначение его очень радовало. Чтобы отметить это событие, он устроил вечеринку в Мирзапуре, воспользовавшись для этой цели домом своего друга. Мы провели очень приятное утро в красивой местности по соседству. Когда мы возвращались назад, я ехал верхом вместе с Джердином, и вдруг он почувствовал острую боль в животе. По возвращении в Мирзапур он сообщил, что не спустится к обеду, но никто из нас не подозревал тяжести его болезни. Он умер в ту же ночь от холеры. Вечеринка кончилась большим горем, и мы были очень подавлены, поскольку он был человеком, к которому все мы были сердечно привязаны. Это случилось в августе 1873 г.

Постепенно отъехавшие в Найни Таль стали потихоньку возвращаться в Аллахабад, и обычная жизнь возобновилась.

Я имел право на ежегодный месячный отпуск, но копил отпуска, чтобы на третий год позволить себе на третий год трёхмесячное путешествие домой.

Сестра моей жены, Томасин Эденсор, выбралась к нам надолго в конце 1873 г.

В апреле 1875 г. мы отправились домой. Этот отпуск был омрачён смертью старшей сестры жены Джона, скончавшейся почти сразу же после нашего приезда в Лондон.

Во время моего визита домой мой друг-спирит, мистер Вайзмэн, взял меня с собой на сеанс к миссис Гаппи. Физические феномены были поразительными и отметили всякую мыслимую теорию мошенничества. Тогда у меня твёрдо установилось убеждение в реальности спиритических явлений, и с тех пор я уже никогда не колебался.

Миссис Гаппи тогда была уже зажиточной вдовой и жила на Виктория роуд, в Кенсингтоне, где развлекала своих друзей сеансами и была достаточно любезна позволить мне прийти два или три раза. О ней тогда говорили как о «царице физических медиумов», и она этого титула конечно же заслуживала.

Мы отправились обратно в Индию в июле и по дороге остановились у семьи Мэсси в Шатоне под Парижем, а затем направились в Швейцарию, где останавливались на несколько дней в Тюне, Интерлагене и других местах, далее мы проехали Женеву, Милан, Белладжо на озере Комо и наконец Венецию, отплыв в Александрию на пароходе компании «P & O» «Кастигар». Из Суэца мы плыли на «Монгалии» и в начале августа достигли Аллахабада.

«Пайониром» в моё отсутствие заведовал мистер, а впоследствии сэр Джон Эллиотт.

Я не нахожу в дневнике записей каких-либо особенно интересных событий холодной зимы 1875–76 г. Продолжалась обычная рутина обедов и садовых вечеринок, но в апреле 1876 г. мы отправились в Симлу, потому что считалось, что мне лучше всего быть в контакте с правительством, а редакторскую работу осуществлять по почте. Вице-королём тогда стал лорд Литтон, и постепенно мои отношения с ним стали приобретать очень приятный характер. Он обнаружил, что может мне доверять и стал очень откровенен в обсуждении политических событий. Остальное время мы проводили как обычно, в непрестанных общественных развлечениях. В Аллахабад мы вернулись в сентябре.

16 мая 1877 г. около 9 или 9.30 утра после ужасно мучительной ночи у моей жены родился мальчик. Этот

жаркий сезон мы полностью провели в Аллахабаде, но никаких важных событий не было до начала 1879 г. когда м-р Аллек продал «Пайонир» Раттегану и Уолкеру, которые уже были владельцами лахорской «Сивил энд милитари газетт».

Эта сделка меня очень раздосадовала, но до того мне ни разу не приходило в голову, что я и сам мог бы сделать это, взяв кредит на покупку в банке, как меня потом убедили.

Некоторое время всё продолжалось как обычно. Я отправился в Лахор встретиться с новыми владельцами, но мне никогда не удавалось очень хорошо ладить с ними.

Теперь я приближаюсь к периоду огромных перемен в моей жизни, моментально произошедших из-за знакомства с Е.П. Блаватской и введения меня в оккультизм.

Кто-то — думаю, это был Херберт Стэк, — сказал мне о книге Блаватской «Разоблачённая Изида» как об открывающей новую идею, превосходящую спиритизм — действительную реальность магии. Затем я увидел в бомбейских газетах сообщение, что с полковником Олкоттом они приехали в Бомбей и написал о них заметку в «Пайонире», подразумевая, что они спириты, приехавшие в Индию в поисках новой разновидности медиумизма. Олкотт написал мне по поводу этой заметки и мы кое-как познакомились по переписке. Мы думали, что они могут оказаться интересными людьми и решили попросить их нанести нам визит, если они намереваются (а я полагал, что это так и будет) поехать на север страны. Они приехали 4 декабря 1879 г.

Теперь для меня очевидно, что их приглашение произошло по инициативе моей жены. Мы, как обычно катались вечером и говорили обо всём, что мы слышали о возрождении Блаватской «магии» (как мы полагали) и новой стадии развития спиритизма. Моя жена сказала: «Что, если мы пригласим её и её товарища, полковника Олкотта, нанести нам визит по пути на север страны?» (или что-то в этом роде). Теперь я конечно знаю, что Учителя планировали свести нас вместе и включить меня в работу зарождающегося теософического движения. Моя жена оказалась более чувствительной к этому телепатическому намёку, и потому это предложение было высказано с её стороны. Я согласился, хотя мы оба посмеялись над той перспективой, что странные гости могут не оправдать наших надежд на их способности.

Эти события в общих чертах описаны в моей книге «Оккультный мир». Там рассказывается, как Блаватская дала нам свидетельства своих паранормальных способностей, и в этом рассказе я не собираюсь повторять содержания этой книги. Но здесь я дам некоторые личные подробности, которые туда не вошли. И я живо помню, когда пишу это более 30 лет спустя, то утро, когда я рано, около 7 утра, приехал встретить наших гостей на железнодорожную станцию. В те времена поезд из Бомбея приходил примерно в это время. Когда мы прибыли домой, на веранде нас уже ждал «чота хазри»*. Моя жена ещё не вышла из своей комнаты (она сделала это несколькими минутами позже), и Блаватская села за стол со мной. Наш разговор обратился к спиритизму, и она спросила меня, проводили ли мы какие-нибудь сеансы. Я сказал, что да, но без малейшего успеха. Мы не смогли получить даже ни единого стука. Она засмеялась и сказала, что стуки получить очень легко. Она положила руку на стол, и они начались сра-

* То, что подаётся ещё до завтрака, обычно чай с печеньем. — Прим. пер.

зу же, при ярком утреннем свете. Это, конечно, могло быть отнесено на счёт её необычайного медиумизма, но позже опыт нас убедил, что эти стуки подчинялись её воле и она могла заставить их передавать любую чепуху, которую она бы захотела им продиктовать. За всем остальным, что касается феноменов, связанных с визитами Блаватской к нам, я отсылаю читателей этого повествования к книге «Оккультный мир».

Но я могу здесь заметить, что мы были очень скоро очарованы её личностью. Конечно, её манеры были неотёсанными, но во всяком случае было очевидно, что это было её собственным выбором, а не результатом плохого воспитания.

Она нередко ругала и оскорбляла Олкотта так, что это действовало нам на нервы, но не может быть сомнения, что за этот визит (который растянулся от планировавшихся первоначально нескольких дней до нескольких недель) мы определённо её полюбили. В некоторых отношениях она была утомительной и недисциплинированной гостьей. Она упорно засиживалась с разговорами до глубокой ночи, когда нам давно уже хотелось спастись. Тогда мы были слишком вежливы, чтобы уйти и оставить её одну, что было бы проще всего. Кроме того в самом начале, несмотря на продемонстрированные нам стуки, она столь абсурдно злоупотребляла одним небольшим проявлением оккультных сил, что охладила наш энтузиазм, заставив нас серьёзно сомневаться — не является ли она хотя бы наполовину обманщицей. Но мы терпеливо ожидали развития событий, и постепенно эти разумные подозрения рассеялись, а благодаря её интересным беседам мы стали ещё больше к ней привязаны. Более того, она пробудила огромный интерес у многих из наших друзей в Аллахабаде, и её часто приглашали на обеды, где её оживлённые и часто остроумные беседы пользовались успехом. На обедах в небольшой компании избранных друзей в нашем доме она очень ярко сияла. Но всё это время, хотя мы постепенно приобретали туманные понятия о «Братях» (как она в то время называла великих адептов Белой Ложки), мы не были удостоены никаких поразительных феноменов, помимо стуков, проявлявшихся во всех воображаемых видах.

А.О. Хьюм, с которым у меня потом были тесные отношения в Симле, был во время визита Блаватской в Аллахабаде и проявил большой интерес к выдвигаемым ею идеям. Однажды он председательствовал, когда Олкотт читал лекцию о теософии в Майо-холле.

В середине декабря Блаватская убедила нас посетить вместе с Олкоттом ненадолго Бенарес, хотя мы и не были склонны делать это. Раджа Визангарам предоставил ей дом там, где в отдельном бунгало в конце сада остановился свами Дайананд Сарасвати. Блаватская подняла наши ожидания касательно него на очень высокий уровень, но мы были разочарованы, так как он либо не мог, либо не хотел продемонстрировать нам никаких проявлений оккультных сил.

Нас разместили безо всякого комфорта, и я под давлением этого постепенно начал терять терпение. Вечером у меня был с Блаватской бурный разговор, и мы решили на следующее утро отправиться домой, но когда настало время, нас уговорили остаться ещё на денёк. Мы с женой отправились домой на следующий день, очень довольные, что сбежали от всех этих неудобств.

Через несколько дней Блаватская с Олкоттом вернулись к нам и оставались у нас до 30-го. Их отъезд был бурным из-за гнева Блаватской, обрушившегося на Олкотта из-за какой-то мелочи, которая уже и забы-

лась. Мы проводили их со смешанным чувством — и сожаления, и облегчения.

Жару 1880 г. мы провели в Симле, и к завершению жаркого сезона Блаватская с Олкоттом нанесли нам ещё один визит. Они прибыли 8 сентября, и на этот раз Блаватская стала демонстрировать нам новые феномены — астральные колокольчики и некоторые другие, хотя и не очень поразительного характера. В то время мы жили в доме под названием «Брайтлэндс», над бульваром для гуляний.

Примерно в это время, хотя я не могу установить точной даты, началась моя переписка с махатмой К.Х. Помню, что идея вступить в личное сообщение с одним из «Братьев» возникла однажды утром во время разговора за завтраком. Я добродушно указав на неспособность Блаватской наладить дела её общества из-за некоторого недостатка благоразумия, сказал, что уверен, что если бы я смог войти с контакт с самими «Братьями», то нашёл бы у них больше практического здравого смысла. Как вы думаете, — спросил я Блаватскую, — согласились ли бы они ответить на моё письмо, если бы я им написал? Она, похоже, не сочла это невозможным, так что я написал, адресовав своё письмо «неизвестному Брату». За подробностями последовавшей переписки я должен отослать читателя к «Оккультному миру». Вот что позволило мне написать эту книгу, которая фактически была в основном написана в море, во время нашей следующей поездки в Англию.

После того, как мы вернулись в Аллахабад, Блаватская и Олкотт снова ненадолго к нам приехали, а в марте 1881 г. мы с женой отправились домой провести наш второй отпуск в Англии. На этот раз мы поехали через Калькутту, где поселился тогда м-р Эллиотт, а затем на пароходе через Цейлон и далее. Прибыв в Марсель, мы ненадолго заехали в Монте-Карло (где я проиграл умеренную сумму, которой заранее решил рискнуть — но не больше), а затем отправились в Шатон к Мэсси, которые нас тепло приняли. Жене из-за болезни пришлось у них остаться, тогда как я поехал в Лондон. Как только ей стало лучше, она продолжила путешествие и присоединилась к матери и сестре в водолечебном учреждении в Норвуде; я же поселился на Даун стрит. Я должен объяснить, что она ожидала тогда вторых родов, но была ещё в состоянии часто наезжать в город и посещать с нами театры и прочие развлечения. Мой отпуск, однако, кончился, что заставило меня в начале июня отправиться обратно в Индию, и мне пришлось оставить жену в Норвуде, а к концу месяца она переселилась в дом, снятый её матерью в Ноттинг Хиллс, на Роял Кресент 34.

Должно быть, в то самое время, когда я остановился на Даун стрит, по просьбе леди Пелли я прочитал в её доме (Итон-сквэр, 1) в гостиной лекцию о развитии теософии. Собралась аудитория из влиятельных людей, и я дал очень несовершенный набросок о реинкарнации, Учителях и учении, как я его тогда понимал. Но это произвело определённый эффект, поскольку и спустя годы люди говорили мне, что были на этой лекции или слышали о ней от присутствовавших там друзей.

Тем временем я присоединился в Париже к Фрэнсису Мэсси и мы устроили небольшое туристическое путешествие в общем в направлении Венеции, откуда я должен был отплыть в Индию. Мы посетили Вену и Будапешт и получили от путешествия большое удовольствие.

По прибытии в Бомбей я на несколько дней остановился у Блаватской и, если я правильно помню, на сле-

дующий день после своего приезда получил по-видимому феноменальным образом длинное письмо от К.Х., где он поздравлял меня с публикацией «Оккультного мира», который вышел во время моего пребывания в Лондоне. Само письмо я считаю подлинным, но у меня есть серьёзные подозрения относительно того способа, которым оно меня достигло. Оно упало передо мной на стол, когда я сидел с Блаватской, и могло быть просунуто сверху сквозь щель между балками потолка М. Куломбом, как он позже заявил. Конечно, его слова ничего не стоят, но Блаватская иногда бывала способна на такую чудесную неразборчивость в средствах, добавляя кое-что из арсенала фокусников, чтобы придать больше блеска какому-нибудь подлинному явлению. Обычное суждение на основе того, что она была виновна в такой глупой выходке или хотя бы дала повод для подозрений, отмело бы всё сказанное и сделанное ею как недостоверное, но виденные мною в Симле и других местах феномены, реальность которых я не могу отрицать, являются для меня доказательством, перевешивающим влияние подобной неразборчивости с её стороны.

Просматривая рукопись этой книги через несколько лет после первоначального написания, я счёт, что стоит добавить одно замечание по поводу только что упомянутого случая. В более поздние годы у меня несколько раз появлялась возможность вступить в контакт с Е.П. Блаватской, находившейся уже «по ту сторону». Однажды я прямо спросил её: «Зачем вы устроили этот дурацкий фокус с упавшим письмом в Бомбее?». Ответ был таков: «Это вовсе не я — моё тело занимал чёрный маг». «О боже, — сказал я, — разве вы не могли принять меры по предотвращению подобных вещей, когда вам бывало нужно покинуть тело?» «О да, — сказала она, — но иногда я бывала беспечна». Это объяснение с одной стороны раскрывало тайну, но оставляло меня с мыслями о серьёзном аспекте такой беспечности. Позже, у меня выдалась возможность спросить Учителя К.Х., что он думает об этом. Его ответ — как всегда, мягкий и добрый, — был в таком смысле, что Блаватская всегда ощущала непрерывно бушующую вокруг неё бурю — яростные атаки тёмных и мощную светлую защиту. В таких обстоятельствах, что вовсе неудивительно, она иногда теряла голову.

Во всяком случае, это полученное в Бомбее письмо стало началом объёмистой переписки, которая в конечном счёте позволила мне написать «Эзотерический буддизм».

Вскоре после моего возвращения в Аллахабад я получил из дома телеграммы, известившие меня о том, что 14 июля моя жена родила, но ребёнок из-за странных осложнений родов родился мёртвым.

На остаток жаркого сезона я отправился в Симлу, но у меня нет записей моих дел за этот период и я могу полагаться только на свою память. Дневник моей жены рассказывает о её собственных делах дома. Однако, должно быть, именно в этот свой визит в Симлу я встретил Блаватскую и сопровождал её в путешествии в гору на тонге*, которая тогда была там единственным средством передвижения, и оба мы провели значительное время у Хьюма. Тогда он был одним из секретарей правительства Индии и уже живо интересовался теософическим движением, писал памфлеты на эту тему и сам много переписывался с Учителями (как мы посте-

пенно научились из называть). Но визит Блаватской к нему не дал хороших результатов. Пожалуй, в некоторую степень это было его виной, так как по характеру он был склонен повелевать и был полностью лишён того послушания, которое в начале представляется необходимым условием для оккультного прогресса; особенности Блаватской, усугублявшие дело, несомненно, тоже внесли свой вклад в возникшие неприятности. Так или иначе, их отношения стали очень напряжёнными.

Когда моя жена вернулась в Индию, я был в Аллахабаде. Я выехал в Бомбей и остановился там на несколько дней у Блаватской. Я должен был туда поехать из-за некоторых затруднений в нашем Обществе там, впрочем, маловажных, и вернулся уже вместе с женой в начале января 1882 г. За следующие несколько месяцев не произошло никаких событий значительной важности, и в апреле мы отправились в Симлу, поселившись в доме под названием «Тендриллс» [побеги, усы растений], где мы в конце концов объединились с полковником Гордоном и его женой, образовав совместное хозяйство.

В июне у меня возникли неприятности с м-ром Рэттеганом, который был тогда главным владельцем «Пайонира». Он хотел, чтобы я вернулся в Аллахабад, потому что не был удовлетворён тем, как там устроены дела. Я отказался, настаивая на своём праве в жаркую погоду вести дела из Симлы, ибо я так понимал соглашение между нами. У меня нет записей, которыми я бы мог руководствоваться, описывая обстоятельства этого, но у меня осталось впечатление, что мне тогда лучше было бы уступить и вернуться в Аллахабад. Так или иначе, этот инцидент положил начало натянутым отношениям с новыми владельцами, что в конечном счёте привело к разрыву связи с «Пайониром», хотя из дневника жены я вижу, что память изменяет мне и в июле я всё-таки решил сдаться и вернуться в Аллахабад. Я уже готовился к путешествию, когда получил телеграмму от Рэттегана, объявляющую что были приняты меры, избавившие меня от необходимости спускаться в долину.

В течение всего этого сезона я был в активной переписке с учителем К.Х. — его письма передавали учение, которое было в конечном счёте обработано в «Эзотерическом буддизме». Хьюм тоже получил много писем, хотя, как я позже заключил, Учителя не считали его умонастроение хоть насколько-нибудь обнаруживающим.

Мы создали отделение Общества под названием «Эклектическое Теософическое Общество Симлы», где я стал президентом, но ему не было суждено насколько-нибудь долгое существование.

В начале октября нас посетили два челы, носивших жёлтые одежды. Главный из них представился как Дарбагири Натх и рассказал мне о своей жизни в доме Учителя К.Х. в Тибете. Этот случай был окружён некоторой тайной, которая так и не была удовлетворительно объяснена. Похоже, что Дарбагири Натх через день или два после этого был с Блаватской в Дарджилинге, а это время совершенно недостаточное для физического путешествия между этими двумя местами. Но в конце концов, похоже, прояснилось, что её невысокий человек и мой были разными людьми, хотя она долгое время позволяла нам оставаться под впечатлением, что это был один и тот же.**

* Очень неудобная повозка; её описание Блаватская даёт в книге «Дурбар в Лахоре». — Прим. пер.

** Блаватская в письме Ледбитеру от 23 июня 1886 г. объясняет, что настоящий Дарбагири Натх, ученик, одно время пользовался телом другого человека, Боваджи, находившегося тогда на испытании, но провалившегося. Сама она тогда не могла объяснить это, т.к. была связана обетом молчания. Письмо было опубликовано только в середине XX века. — Прим. пер.

В тот период мы перешли на вегетарианство, сделав это из гуманных соображений — больше под влиянием писавшей об этом Анны Кингсфорд, чем из-за той идеи, что это поможет нашему теософическому прогрессу, — и дали знаменитый вегетарианский обед, вызвавший в то время много разговоров. Майор Кенни Херберт, повар-любитель, был настолько любезен, что взял на себя все хлопоты по устройству обеда, который имел огромный успех, хотя оказался очень дорогостоящим. Так проходило время, бесконечная череда общественных увеселений. К концу октября мы оставили Симлу и отправились в Аллахабад; путешествие было очень неудобным из-за того, что мы опоздали на поезд, идущий вниз. Нам пришлось провести ночь в квартире железнодорожного сторожа (который той ночью был на работе), потому что поезд на равнину ходил только раз в день. Вскоре после нашего возвращения к нам приехала погостить Е.П. Блаватская, и именно во время этого визита я получил портреты Учителя К.Х., упомянутые в «Окультурном мире»*.

В ноябре м-р Рэттегэн уведомил меня, что хочет прекратить сотрудничество со мной в качестве редактора. Последовали разные переговоры. Был выработан план, по которому я собирался начать новую газету, которая конкурировала бы с «Пайониром». Было даже придумано название. Она должна была называться «Феникс», и были предприняты усилия получить необходимый капитал от некоторых из великих индийских радж. Владельцы «Пайонира» были достаточно либеральны в окончательном урегулировании финансовых дел со мной, хотя за давностью лет я уже не могу привести цифр, равно как и не помню, входило ли в эти договорённости что-либо касающееся планируемой новой газеты. Так или иначе, когда мы покинули Индию, этот проект был ещё жив, хотя ему так никогда и не было суждено осуществиться.

Как я считаю, именно моя связь с теософией, вызвавшей возмущение новых владельцев «Пайонира», послужила главной причиной их желания от меня избавиться. Сложности, связанные с моим нежеланием возвращаться в Аллахабад в середине сезона Симлы, несомненно, тоже внесли в это какой-то вклад, но моя приверженность теософии была во всём этом деле более важным фактором.

Мы же со своей стороны вовсе не были против изменений, вне зависимости от того, была бы основана новая газета или нет. Мы стали очень уставать от англо-индийской жизни, состоявшей из пустых и легкомысленных развлечений, и я во всяком случае видел продолжение своего пути в жизни в Англии. У меня было, с учётом денег, полученных мною при последнем расчёте, накоплено около 8000 фунтов. Я был вполне уверен, что буду в состоянии добавить к проценту, получаемому с этих денег, заработка журналистской работой дома, и мы относились к неясности перспектив «Феникса» без особого беспокойства.

9 февраля 1883 г. я дал прощальный обед в клубе. Было около 40 человек, и председательствовал Даглас Стрэйт, тогда один из судей Верховного Суда. На следующий вечер, 10-го, Силкинсоны дали в нашу честь приватный обед.

11-го мы покинули Аллахабад и по пути в Мадрас (где в доме в Адьяре, подаренном богатым и симпатизирующим индийским другом, поселились Блаватская и Олкотт), заехали в Калькутту. Там мы остановились у Холдернесса и Хантера, которые квартировали тогда

вместе. Я имел приятный прощальный разговор с лордом Райпоном, тогдашним вице-королём, который, к моему огромному удивлению, не ожидал насколько-нибудь значительного возбуждения и противодействия в связи с только что выдвинутым законопроектом. Большинство из нас были уверены, что в сообществе европейцев он будет встречен с яростным негодованием. Лорд Уильям Бирсфорд, работавший тогда в штате вице-короля, устроил нам мероприятие на соответствующем уровне, в рамках которого мы взяли компанию друзей на пикник в Барракупур.

Дальше мы отправились морем в Мадрас и, прибыв туда 2 марта, остановились в Адьяре у Блаватской. В тот приезд я много работал над написанием «Эзотерического буддизма». Суббе Роу его учителем, Учителем Морьей, было поручено оказывать мне такую помощь, какую он мог, но делалось это им неохотно и очень мало мне помогло. Позже Учитель К.Х. упомянул о двух моих наставниках в Адьяре так, что один не хотел, а другой не мог оказать мне какую-либо реальную помощь. Мы не особенно искали тогда феноменов, но произошло одно явление, теперь имеющее интерес как показывающее добросовестность использования того, что потом стали называть «алтарём» или «киотом» — небольшой шкафчик, висевший на одной из стен в кабинете Блаватской. Много позже, когда Обществом Психических Исследований, чтобы исследовать связанные с Блаватской явления в Индии, был прислан д-р Ходжсон, он стал предметом подозрений и поводом для интриг. Он был сделан для хранения каких-то реликвий, связанных с пребыванием Блаватской у Учителей в Тибете несколько лет назад и стал использоваться для писем, адресованных Учителям, которые забирались оттуда оккультным путём.

Я писал «Эзотерический буддизм» в одной из нижних комнат, и по мере продвижения работы формулировал разнообразные вопросы, чтобы задать их Учителю, когда предоставится возможность. Однажды утром жена зашла ко мне поговорить, и я дал ей несколько таких вопросов, попросив передать их Блаватской для отсылки при удобном случае. Она, по всей видимости, отнесла их наверх со стороны здания, противоположной комнате с «киотом». Блаватская сказала ей поместить мои вопросы в «киот», что она и сделала, оставаясь в комнате и разговаривая со «старой дамой», как мы всегда её называли. Примерно через десять минут Блаватская сказала моей жене, что Учитель уже отправил ответ. Жена пошла к «киоту» и обнаружила там ответ Учителя, а точнее, несколько строк его почерком с обещанием ответить на мои вопросы, на следующий день. В течение этих десяти минут Блаватская не поднималась со своего места за письменным столом.

Часть времени в Мадрасе мы провели у Чарлза Тёрнера, главного судьи Мадраса, и 31 марта отплыли в Европу на пароходе «Пешавар». Наше путешествие домой через Венецию было достаточно приятным. Мы проехали через Баль в Кале и 26 апреля достигли Лондона.

Скоро мы стали близкими друзьями с миссис и мисс Арундэйл, жившими тогда на Элджин Крессент, Ноттинг Хилл, и их дом стал местом встречи для первой группы людей, серьёзно интересовавшихся теософией. Там я впервые встретил миссис Кингсфорд, которая была президентом постепенно развивавшегося Британского Теософического Общества. Среди самых первых и видных приверженцев этого движения был Ч.Ч. Мэс-

* Было несколько изданий этой книги; последние дополнены. — Прим. пер.

си, и некоторые встречи молодого общества происходили у него в квартире на Виктория стрит. Именно тогда был опубликован «Эзотерический буддизм», но я не нахожу у себя в дневнике точной даты, когда он вышел в свет. В тот период я завязал очень много интересных знакомств, и интерес к теософическому движению стал быстро распространяться в высших слоях общества. Фредерик Маерс, Гёрней и проф. Сиджвик, лидеры Общества Психических Исследований, очень заинтересовались и поначалу симпатизировали.

В августе того года мы с женой совершили путешествие за границу, сначала навестив Мэсси в Булони, где они тогда жили, а потом направились в Брюссель, Гаагу, Амстердам, а затем в Эльберфельд к Гебхардам, где были очень тепло приняты.

Это стало началом очень близкой дружбы со всей их семьёй. Поначалу из них интересовалась оккультизмом только миссис Гебхард. Раньше она уже приезжала в Лондон познакомиться с нами. Постепенно заинтересовались и другие члены семьи. Мистер Гебхард был богатым фабрикантом бархата и других тканей. Один из его сыновей, Артур, был почитателем Вагнера, и отец и сын забавно подтрунивали друг над другом по этому поводу. Рудольф, младший сын, имел необычайный талант фокусника-любителя. Со временем все они стали играть более или менее важные роли в теософическом движении.

Долго и очень приятно погостив у Артура Гебхарда и его жены, мы наконец поехали дальше, в Визбаден, и, кажется, как раз во время этих путешествий мы получили из Индии новости о том, что усилия по сбору средств для новой газеты провалились, так что мы оставили все мысли о возвращении в Индию. Наконец, мы вернулись домой через Остенд, достигнув Лондона 2 октября. Теософическая деятельность сразу же возобновилась; основным местом встреч был дом Арундэйл.

Я нахожу в дневнике значимую запись от 12 декабря, хотя тогда на важность этого обратили мало внимания. Мы жили в доме миссис Эденсор, на Роял Кресцент, 34. Я не помню, где тогда жила она со своей дочерью Томасиной, но так или иначе, мы временно занимали этот дом, хотя активно искали дом, где могли бы поселиться постоянно. Запись, о которой я говорю, гласила: «Заходил м-р Боттомли». Его визит имел следующее объяснение: Полностью оставив план основать газету в Индии, я пришёл к заключению, что лучшее, что я мог сделать, это купить значительную долю в какой-нибудь лондонской газете, где я мог бы выполнять определённый объём редакторской работы, которая была бы гарантирована моими правами долевого собственника. Я разместил соответствующее объявление в «Афензуме». И странно сказать — хотя предложения купить что-то обычно вызывают много предложение более или менее неформального характера — я получил только один ответ от м-ра Хорэйшио Боттомли! И много времени спустя я узнал от него, что он вообще раньше не видел газеты «Афензум», пока не взял её номер на каком-то столе для публичного чтения и не заметил моё объявление.

У него не было газеты, которую он мог бы продать, но это не удержало его от ответа на моё объявление. Кем он был в начале своей карьеры, я точно не знаю. Затем он стал клерком у адвоката, потом научился стенографии и стал судебным репортёром. Этим он и занимался, когда я познакомился с ним. В это время у него появилась идея. Тогда как раз возникла мода на «местные парламенты» — дискуссионные общества, имити-

ровавшие формы работы Палаты Общин. Он думал, что есть ниша для газеты, которая могла бы стать органом этого движения и отражать работу местных парламентов. Эта идея не особо меня привлекла, но предприятие требовало довольно скромных вложений, а м-р Боттомли был очень убедителен. Не сразу, но вскоре после этого я изыскал 100 фунтов для начала предприятия.

Я не буду прерывать последовательность своего рассказа, чтобы излагать тут всю историю своих отношений с Боттомли, которая в конце концов привела к моему полному разорению. Это было результатом многолетней деятельности, но я могу сразу же сказать, что Боттомли вовсе не был нечестен в своих делах со мной. Дело обстояло совершенно наоборот. Смехотворное маленькое вложение в его новую газету «Дибэйтор» оказалось прибыльным, и одно время казалось, что мои отношения с Боттомли чудесно продуктивны и выигранны. Но о ходе своих коммерческих предприятий я скажу в должном месте, описывая опыт следующих нескольких лет.

Поиск жилья наконец привёл нас к тому, что мы поселились на Лэдборук Гарднз, 7. Тем временем встречи Общества проходили в разных домах, и я нахожу записи об одной, состоявшейся в квартире м-ра Худа в Стоун Билдингс, на которой, кажется, миссис Кингсфорд, тогда всё ещё президент, читала свои письма к Олкотту и другим, касающиеся её переизбрания в качестве президента. Это вызвало много трений и беспокойств, что в конечном счёте привело к её разрыву с Обществом. Она была очень высокого мнения о важности её собственного «Герметического» движения и своей книги «Совершенный путь» и намеревалась скорее присоединить к этому предприятию Теософическое Общество, чем работать в нём как в основной организации. Это её отношение отвратило от неё симпатии теософов, привлечённых в движение новым учением из Индии, излагавшимся в моих книгах, но тогда Кингсфорд этого ещё не осознавала.

Даже с помощью дневника я не могу составить связного рассказа о неприятностях с миссис Кингсфорд. Я получил несколько писем и телеграмм от К.Х. на эту тему, и позже я понял, что «Старый Чохан» (как мы его называли) руководствовался своим высоким мнением о работе миссис Кингсфорд в движении против вивисекции, когда поддержал её переизбрание в качестве президента.

Мы переехали в новый дом 31 января 1884 г., и скоро он стал центром значительной чести теософической деятельности. В то время интерес к теософии быстро распространялся в высших слоях общества, и новости о таком развитии событий побудили Блаватскую оставить своё намерение, очень определённо выраженное ею нам, когда мы останавливались у неё в Адьяре, остаться там до конца жизни. Она решила приехать в Европу в сопровождении Олкотта — о чём я весьма сожалел, так как предвидел неприятности, произошедшие в связи с их приездом в Лондон.

И 5 апреля мы с женой отправились на вокзал Виктория стэйшн встретить Олкотта и Мохини, прибывших вперёд Блаватской. Мохини был молодым индийцем, считавшимся тогда челою К.Х. на испытании, и ему было суждено сыграть очень важную роль в развитии теософии на Западе.

7 апреля состоялась очень шумевшая встреча Общества в номерах Финча в Линколн инн, созванная с целью избрания нового президента. К тому времени

я пришёл к убеждению, что переизбрание Кингсфорд нежелательно; и хотя некоторые члены желали выдвинуть меня, мне при данных обстоятельствах казалось лучше избрать кого-нибудь другого. Потому я предложил Финча, адвоката, который к тому времени уже оканчивал Кембридж и проявлял тогда глубокий интерес и симпатию к теософии. Спустя долгое время эти его чувства ослабли, но в той чрезвычайной ситуации он подходил хорошо. По результатам голосования кандидатура Кингсфорд не получила никакой поддержки, тогда как Финч был выбран практически единогласно. Я думаю, что присутствовавший м-р Мэйтлэнд был единственным человеком, голосовавшим за Кингсфорд.

Но это было не единственной сенсацией того вечера. В середине собрания совершенно неожиданно появилась Блаватская, и конечно все были очень возбуждены.* Мы взяли её к себе домой, и вскоре дом наполнили любопытные посетители, но примерно через неделю она на время вернулась в Париж, а Олкотт с Мохини по-видимому остановились у Арундэйлов. Наше время было почти полностью занято теософскими собраниями, неформальными встречами с более близкими нам членами и беседами с интересующимися посторонними. На неделю или две в конце мая — начале июня мы с женой и сыном отправились в Хастингс ради здоровья жены, которое было тогда непрочным. Помню, меня и других позабавила рекомендация К.Х., что она должна принимать виски и молоко. Блаватская всегда была фанатична во своём отвращении к алкоголю в любой форме и навязала свою волю и Олкотту, который был очень удивлён вышеупомянутой рекомендацией. Кстати могу здесь сказать, что сам я никогда не считал правила питания имеющими какую-либо важность в связи с настоящим духовным ростом. Он зависит от развития характера и поведения перед лицом разнообразных кризисов и жизненных испытаний, и два великих психиста, с которыми я познакомился позже, не были ни вегетарианцами, ни абсолютными трезвенниками. Излишне говорить, что оба они были очень умеренны в употреблении мяса и вина, но вот фанатизм в таких вещах основан на заблуждении.

К тому времени у нас стала останавливаться миссис Халловэй, одарённая американская психистка, а потом она переместилась к Арундэйлам. Она имела очень живые ясновидческие видения Учителей, могла передавать мне послания от К.Х., а однажды он обратился ко мне через неё от первого лица. Много позже она, вернувшись в Америку и снова выйдя замуж, отошла от теософии (во время знакомства с нами она была молодой вдовой), но хотя у неё были хорошие намерения, ей удалось создать между нами и мисс Арундэйл напряжённость, хотя и временную.

Тем временем, отчаянный кризис в Обществе продолжался при обстоятельствах, которые я хорошо помню. Блаватская вернулась в Лондон и остановилась у Арундэйлов. 30 июня 1884 г. (я беру дату из дневника, хотя что касается прочего, я помню этот случай слишком хорошо) все мы пошли на собрание Общества Психических Исследований. В ходе собрания Олкотт без всякого приглашения встал и выступил с речью необычайно бестактного характера. Руководители ОПИ очень старались вести все собрания на уровне, соответствующем культуре высших классов. А Олкотт, с его прямоотой и преданностью делу оказался не ладу со вкусами рафинированных европейцев. Запись в дневнике гласит: «Полковник О. выставил себя полным вален-

ком и разозлил С.Д., ей стало стыдно за него». (С.Д. тут конечно означает «Старая дама», как мы всегда называли Е.П. Блаватскую, в том числе и обращаясь к ней).

Хотя С.Д. тогда жила у Арундэйлов, после этой встречи, которая вывела её из себя, она настояла на том, чтобы вернуться в наш дом. От сильных эмоций её лицо побелело; она говорила так громко, что я побоялся, что она побеспокоит соседей, и поносила несчастного полковника, пока не довела его до того, что он спросил, не хочет ли она, чтобы он покончил самоубийством. Конечно, с одной стороны эта демонстрация страстей была бесполезной и абсурдной, но с другой, хотя и не предвидя подробностей, она осознавала, что случилось что-то ужасное. Так оно и было. Последовавшие беды, которые некоторое время потрясли Теософическое Общество в Европе, прослеживаются к отвратительному вечеру, который я описал. До того времени предводители ОПИ охотно стремились быть в контакте с теософическим движением. Фредерик Маерс и Гёрни постепенно входили в круг наших близких друзей. Но Теософическое Общество было слишком молодо, чтобы выдержать потрясения от тех последствий, которые навлекло на него неблагоприятное поведение Олкотта. Предваряя рассказ, к которому я перейду в подробностях позже, я могу здесь сказать, что отправка Ричарда Ходжсона в Индию для расследования феноменов Блаватской, его неблагоприятный отчёт и крах нашего молодого общества, от которого отпали почти все, когда всё стало выглядеть так, будто Блаватская разоблачена и опозорена, — всё это было результатом того прискорбного вечера 30 июня 1884 г.

По моему мнению, эта катастрофа оправдала мои сожаления, которые я открыто высказал, когда Блаватская объявила об изменении своих планов и намерении приехать в Европу, чтобы подыграть неожиданному энтузиазму, который возбудил «Эзотерический буддизм».

Последовал очень неприятный период, хотя последствия оплошности полковника достигли своей кульминации намного позже. Но С.Д. была очень сварлива, и дневник содержит несколько ссылок на письма с протестами, отправленные мною ей, хотя по прошествии времени я уже точно и не помню, из-за чего мы ссорились. В дневнике я нахожу запись, датированную серединой июля, ссылающуюся на какой-то ответ Блаватской мне, «который не облегчил ситуацию, но намного её ухудшил. В конверте с её письмом было несколько строк, как подразумевалось, от К.Х., где говорилось, что она права, а мы нет. Отправился спать с чувством, что наша теософическая деятельность близится к концу». Возможно, эти строки были сфабрикованы и самой С.Д., так как она довольно безрассудно использовала имена Учителей, когда это соответствовало требованиям момента.

Кажется, на следующее утро нас посетили мисс Арундэйл и миссис Халловэй, и последняя, как у меня записано, была настроена «оставить всё это дело с отвращением».

Будущим читателям может показаться странным, что я мог забыть, из-за чего был весь этот шум, но на протяжении моих отношений с Блаватской после моего возвращения из Индии ссоры были столь частыми, что и гораздо лучшая память, чем моя, не смогла бы удерживать подробности их всех.

Как-то возник план устроить в Принс холле вечер в честь мадам Блаватской. Она очень хотела, чтобы он удался и решила, что я должен принять участие. Мне

* Дополнительные подробности этой встречи можно найти в книге Ледбитера «Как ко мне пришла теософия». — Прим. пер.

не хотелось, и чтобы склонить меня к согласию, она, по-видимому, использовала почерк и подпись К.Х. Даже тогда у меня были самые серьёзные сомнения в подлинности этой записки синим карандашом, но тем не менее меня удалось вовлечь в это предприятие, и не удивительно, что я нахожу в дневнике запись о том, что не смог выступить на своём обычном уровне.

Но моё согласие участвовать в вечере не смягчило недружелюбия Блаватской ко мне. Она и те, кто её окружали, были приглашены семьёй Гебхардов, которые к тому времени были под большим её влиянием, посетить их в августе. От миссис Гебхард нам было передано с большим сожалением, что нашего участия не ждуть. Когда наступило это время, мы с женой самостоятельно отправились путешествовать в Швейцарию. Миссис Гебхард сама приехала в Кёльн, чтобы повидать нас, и очень извинялась. Далее мы отправились знакомым маршрутом через Тун, Интерлакен и наконец на какое-то время остановились в Муррене, где моя жена не без посторонней помощи (часть дороги её несли в портшезе) вместе со мной поднялась на вершину Шильдхорн.

Как раз во время этого путешествия я начал писать свой роман «Карма». 25 августа мы вернулись в Тун и остались там в Тунерхофе на несколько недель. Это время несколько интересно тем, что мы обнаружили, что в нашей гостинице остановилась мисс Этель Дюран со своими родственницами, миссис и мисс Гэлловэй, и имея некоторые основания считать, что она (мисс Дюран) обладает психическими способностями, я попытался произвести с ней эксперимент по передачи мыслей, который оказался необычайно успешным. Она воспроизводила диаграммы, которые я рисовал на кусочках бумаги — мы сначала попробовали экспериментировать, когда все были на прогулке в лесу неподалёку от Тунерхофа, а продолжили работу потом в гостинице, и с неизменным успехом. Это было началом долгого ряда месмерических сеансов, которые я проводил с ней в Лондоне до того, как она вышла замуж за м-ра Джэймсона и некоторое время после этого.

Через неё я вступил в контакт с адептом, с которым с тех пор хорошо познакомился — главой атлантской ложи оккультистов, которую обычно называют ложей Юкатана, по причине того, что там (или, как я позже узнал, на эфирных уровнях над этим местом) находится её штаб-квартира. Джэймсон в конце концов умер в Африке, участвуя в одном из путешествий Сэнли в Конго, и его жена осталась довольно богатой вдовой, в каком-то качестве стала жертвой одного итальянского графа, за которого вышла. Но всё связанное с её жизнью в тот период составило бы слишком длинную историю, чтобы вставлять её сюда.

Мы хорошо познакомилась с этими двумя девушками во время пребывания в Туне, а оттуда в компании с ними отправились в Берн. Ближе к концу сентября, будучи там, мы получили телеграмму от мисс Халловэй, которая была ещё у Гебхардов, с приглашением сейчас же присоединиться к компании в Эльберфельде. Мы вовсе не были склонны откликаться на этот зов, учитывая то, как с нами обошлись, и телеграфировали, что не можем приехать, не получив сначала полных объяснений от миссис Гебхард. Тогда пришла телеграмма от Гебхард, сообщающая, что это было особым пожеланием махатмы, чтобы мы приехали. Мы снова телеграфировали, что не можем приехать без дальнейших объяснений, но последовавшие телеграммы наконец убедили нас согласиться.

Всей семьёй Гебхардов мы были приняты очень тепло и сердечно; миссис Гебхард приехала в Кёльн

встретить нас, а я получил через миссис Халловэй кое-какие записки от К.Х., о которых Блаватская по-видимому ничего не знала. Я и до сегодняшнего дня не понимаю внутренних причин всего произошедшего, но с Блаватской было что-то не так, состояние её ума было необычным и странным. Мы прибыли 1 октября, и скоро было решено, что Блаватская и Халловэй должны вернуться в Лондон. Они отправились пятого, и миссис Гебхард была рада, что они уезжают. Они слишком засиделись у Гебхардов. Конечно, первоначальное предупреждение не приглашать нас было работой «Старой дамы», но я никогда не мог вполне понять мотив — что ею двигало. Перед её поездкой в Эльберфельд у нас в Лондоне были из-за чего-то пререкания, и несомненно, Блаватская свободно пользовалась именем Учителя, чтобы вынудить Гебхардов отступить от своего тёплого дружеского отношения к нам. Но теперь всё это — древняя история, имевшая важность только тогда. Мы оставались в Эльберфельде до девятого, а потом вернулись в Лондон.

В дневниковых записях за следующие недели я нахожу упоминания «Внутренней группы» Лондонской ложи, но хотя мы тогда, похоже, придавали важность препирательствам со «Старой дамой» относительно её правил и работы, сейчас вряд ли стоит входить в подробности этих мелких неприятностей, даже если бы мне позволяла память (а это не так). Но похоже, тогда уже стали распространяться слухи о «скандале с Куломбами» в Адыре, которому было суждено позже принять столь гигантские масштабы. Мадам Блаватская и полковник Олкотт уехали из Лондона в начале ноября.

Теософическая деятельность продолжалась, и в тот месяц мы провели встречу в Квин Энн мэншнс. Эту беседу посетило много народа, а назревавшие неприятности, связанные со скандалом Куломбов, ещё не приняли определённой формы. Теософическое движение ещё имело силу первоначального импульса. Я принимал участие в разных встречах Общества Психических Исследований, но его руководство постепенно составляло план, который в конце концов вылился в отправку Р. Ходжсона в Индию для расследования обвинений Куломбов и свидетельств феноменов, произведённых Блаватской.

В то время по вторникам вечерами мы были дома, и наша гостиная всегда была полна друзей-теософов и гостей, которых они приводили с собой. На годовом собрании общества в январе 1885 г. я был выбран президентом, а президентство Финча было признано временной мерой, принятой, чтобы справиться с трудностями с миссис Кингсфорд. У нас были с ней столкновения, но со временем мы снова стали друзьями.

Через некоторое время мы стали часто видеть у себя Ледбитера, который первоначально обратился ко мне, будучи тогда не знаком со мной, благодаря прочтению «Эзотерического буддизма». Он часто приходил обедать к нам и оставался у нас на ночь, и с самого начала был настроен посвятить всего себя теософии. Когда мы познакомились, он был викарием Англиканской церкви, но решил бросить это занятие и отправиться в Индию. Я думаю, он сопровождал Блаватскую и Олкотта, когда они уехали в начале ноября.* Мохини оставался в Лондоне и после их отъезда, будучи гостем Арундэйлов.

Теперь я перехожу к тому времени, когда скандал с Куломбами достиг своей кульминации. Ходжсон побывал в Индии и вернулся с очень неблагоприятным впечатлением. Он привёз с собой некоторые письма,

* Он уехал вслед за ними и нагнал их в Египте, как он описывает в своей книге «Как ко мне пришла теософия». Книга написана в 1930 г. и потому Синнетт не мог быть знаком с описанными там подробностями. — Прим. пер.

по-видимому от Блаватской к мадам Куломб, очень сильно её компрометировавшие. Позже Блаватская утверждала, что какие-то части их были подделкой, но в марте мне их показывал м-р Маерс, и я не мог не признать почерк и стиль «Старой дамы». Отчёт Ходжсона, который вскоре опубликовало ОПИ, помимо писем касался и многих других вещей, но его попытка показать, что «святилище» было кабинетом фокусника, использованным Блаватской для обмана, для нас была совершенно неубедительной перед лицом опыта, который мы имели в Адыре с этим знаменитым маленьким шкафчиком. Но сейчас у меня нет времени вдаваться в подробности, касающиеся яростных споров, возникших в связи с отчётом Ходжсона. Однако в результате Теософическое Общество было совершенно разбито и растворилось, пока в нём не остались лишь несколько верных последователей — Арундэйлы, Варли, Кийтли и некоторые другие. Но говоря это, я опережаю события, достигшие кульминации намного позже.

Лондонский сезон 1885 г. ещё застиг нас в вихре общественной деятельности, тогда как я всё глубже входил в бизнес м-ра Боттомли. Я вступал в это дело очень медленно и постепенно, но все предыдущие предприятия, в которых я участвовал, были очень успешными. Полный рассказ о моих кратких триумфах и последовавшем крахе будет удобнее изложить немного позже. В августе мы с женой нанесли визит к лорду и леди Нортвик в Рэйвенстоне — в Шотландии, где они жили, но нам там не понравилось и мы были рады, когда он завершился. С леди Нортвик было непросто иметь дело, хотя её дочь Гэбриэл до сих пор, когда я это пишу (1912), осталась нашей близкой подругой. После возвращения оттуда мы сразу поехали за границу (наш сын Денни был оставлен у бабушки в Илфракомбе) через Брюссель к Гебхардам в Эльберфельд, где мы приятно провели время, но не произошло ничего особенного. В сентябре мы отправились в путешествие вверх по Рейну, затем в Гейдельберг, где в одной старой книге для посетителей замка я обнаружил инициалы, которые, как мне думается, принадлежат К.Х. Конечно же, там были не эти буквы — это были инициалы М.Е.К.В., и мы нашли их в книге за 1867 г. Я всегда был склонен считать, что Учитель останавливался в Гейдельберге примерно в то время.

Из Гейдельберга мы отправились дальше, в Нюрнберг, а затем в Вюртемберг повидать «Старую даму», которая уже покинула Индию и временно остановилась в том месте (на Людвиг штрассе, 6). Мне трудно объяснить её отъезд из Индии, но он имел какое-то отношение к беспокойству по поводу публикации отчёта Ходжсона. Полагали, что она находится в некоторой опасности из-за возможности юридического преследования и приехала в Европу схорониться на время в каком-нибудь спокойном убежище. К тому времени Теософическое Общество в Европе заметно ужалось, и кроме нас её друзьями оставались очень немногие. Некоторые из её русских родственников и знакомых тоже были в Вюртемберге, а среди них г-н Соловьёв, который притворялся её другом, но вскоре написал книгу, поносящую её как мошенницу.

Мы прожили в Вюртемберге до 21 сентября до 1 октября, когда мы снова отправились на несколько дней в Эльберфельд, а затем домой. В течение последовавшего месяца или двух имело место некоторое оживление интереса к Теософическому Обществу, и мы даже провели встречу в Квин Эннс мэйнс, где я прочитал лекцию о высшем Я, которая позже вышла в трудах Лондонской лжи под тем же названием («The Higher Self»).

К концу 1885 г. и некоторое время после у нас было немало беспокойств по поводу некой мадам Леонард, которая вступила в Общество и стала страстно флирто-

вать с Мохини. Здесь не стоит вдаваться в подробности, но она отправилась в Париж и объявила женщине, связанной там с нашим Обществом — мадам де Морсье, — что была им соблазнена. Последняя написала мне, порицая Мохини, который, как я считал, был полностью невиновен. Я до сих пор не уверен, что знаю истинное положение вещей, но я ответил ей, что не верю в историю, рассказанную мадам Леонард. Она очень неосмотрительно показала моё письмо мадам Леонард, которая обратила свой гнев на нас и начала судебный процесс против меня и моей жены, обвиняя в клевете. Всё дело в конечном счёте оказалось пшиком, но на время это держало нас в сильном раздражении и стоило мне некоторых расходов.

26 апреля 1886 г. я сделал в дневнике запись, важности которой тогда у нас не было возможностей осознать. После полудня мы пошли в клуб Эйблмарл попить чаю с девушками Стэкпол и встретиться с женщиной, которая, как мне сказали, желала со мной познакомиться. Я не привожу здесь её настоящего имени, хотя этот рассказ конечно же не будет опубликован при её жизни, потому что она долгое время играла очень важную роль в моей оккультной жизни, а в конце концов связалась узами брака с семьёй, представители которой могут быть ещё живы, когда мир увидит эти строки. Поскольку мы стали очень близки с ней вскоре после встречи, я назову её вымышленным именем Мэри.

В связи с нашей первой встречей не произошло ничего такого, что предвещало бы будущее развитие событий, но вскоре вместе с друзьями, у которых она остановилась, она не раз побывала на приёмах, которые мы устраивали у себя в доме по вторникам, и в один из таких случаев я (по её желанию) попробовал с ней месмерический эксперимент и получил замечательные результаты — она очень легко входила в транс, в котором становилась определённо ясновидящей. Это было 1 июня, а на следующий день, в доме друзей, у которых она жила, я попробовал ещё, и с ещё более поразительным успехом, ибо я убедился, что она смогла увидеть ту область в Тибете, где жил Учитель К.Х. В течение следующих недель при всякой возможности мы повторяли наши месмерические сеансы, и стало очевидно, что Мэри может стать связующим звеном между мной и Учителем. Но эти опыты прервались из-за её возвращения домой, а она жила очень далеко от Лондона.

Осенний отпуск того года мы провели в Вентноре, где поселились Мэсси и куда также прибыли Стэкполы. Но перед тем, как присоединиться к своей жене, которая была уже там, я, кажется, посетил Е.П. Блаватскую в Остенде, куда она переехала из Вюртемберга. Я пишу «кажется», потому что не могу доверять своей памяти, если нет возможности прибегнуть к помощи дневника. А там я нахожу лишь упоминание моего отъезда в Остенд, но кроме того, я хорошо помню, что какое-то время был в Остенде со «Старой дамой», а она была тогда занята написанием «Тайной доктрины».

К тому времени я написал книгу «Случаи из жизни мадам Блаватской». Это была попытка восстановить её репутацию в ответ на нападки отчёта Ходжсона, опубликованного Обществом Психических Исследований. Она страстно желала, чтобы я что-то предпринял в её защиту, и мне показалось лучшим, что я могу сделать — это написать полный рассказ о её жизни, какой возможно собрать. Она полностью согласилась и делала всё, что могла, чтобы помочь мне в работе, которая была очень трудной, поскольку, мягко говоря, неточность всего, что она время от времени рассказывала нам о своей жизни, делала крайне сложным соединение этого в связный и непротиворечивый рассказ. Но

эту задачу как-то удалось выполнить, и она была вполне довольна результатом, пока не обнаружила, что некоторые из её русских родственников были злы на неё за то, что она была так лояльна к британскому правлению в Индии. Она часто предупреждала своих индусских друзей не быть столь глупыми, чтобы желать его смены на русское владычество, которое могло бы для них оказаться ещё более тягостным. Когда же выяснилось, что эти «Случаи из жизни» таким образом оскорбили её русских родственников, она разозлилась на эту книгу и часто называла её, по своему обыкновению вольно выражаясь, «эти проклятые мемуары». Так что в целом я получил немного благодарности за эту большую работу. Не получил я и иного вознаграждения, поскольку, что здесь стоит упомянуть, ни одна из моих теософических книг не принесла мне заметной материальной выгоды. Хотя они оказали большое влияние на мир, их распространение никогда не достигало таких масштабов, чтобы принести существенные прибыли.

Рождество 1886 г. мы провели в Вентноре, а первые месяцы 1887, кажется, были полностью заняты общественными мероприятиями и теософическими собраниями. В марте в доме Арчибалда Кийтли, в Ноттинг Хилле, произошло важное совещание. Он, Бертрам Кийтли, м-р Хэмилтон, доктор Эстон Эллис и миссис Кенигэйл Кук (Мэйбл Коллинз) желали переселить Блаватскую в Лондон. Я был против этой идеи из-за смутного чувства, что её приезд может привести к неприятностям, но она была осуществлена.

Тем временем 19 марта к нам приехала погостить Мэри и начались серьёзные месмерические сеансы с определёнными сообщениями от Учителя. Но всё это согласно его воле держалось в полном секрете даже от наших друзей-теософов. В апреле Мэри временно оставила нас, чтобы погостить у своих старых друзей Мак-Колламсов, но по вечерам постоянно бывала у нас, и месмерические сеансы продолжались. Всё это время они касались больше её собственного развития, чем вопросов, особо интересовавших меня. Это развитие проходило на манасическом плане, и я был предупреждён — не задавать ей никаких вопросов, которые могли бы вовлечь её в астральные обстоятельства. В мае Мэри снова вернулась к нам, а через неделю или две куда-то уехала, но вернулась опять в июне, окончательно оставив нас на тот год, как мы думали, 23-го.

Блаватская в то время жила в Норвуде в доме, снятом для неё миссис Кук. Я часто её навещал. Её преданные друзья — оба Кийтли, Харботтл и другие в сотрудничестве с ней создали Ложу Блаватской Теософического Общества. Я был скорее далёк от всего этого энтузиазма, которым она была окружена, и был поглощён своей работой с Мэри, вся информация о которой тщательно скрывалась от «Старой дамы» и её группы. В июле Мэри удалось вернуться к нам ещё на чуть больший срок, но примерно через неделю она нас покинула и вернулась домой.

Пожалуй, здесь будет уместно рассказать кое-что о ходе моих деловых отношений с м-ром Боттомли и разных компаниях, созданием которых он был занят. Дневник мне не сильно в этом помогает, но у меня сохранились достаточно ясные воспоминания об общем ходе событий, хотя я и не могу указать точных дат, как для тех событий, которых касается дневник. Так или иначе, до периода, к которому я сейчас подошёл, мои дела чудесно процветали. Я вкладывал деньги в компании Боттомли очень осмотрительно, но все эти вложения блестяще окупались. За небольшим предпринятием,

изданием «Дибэйтора», о котором я упоминал ранее, последовало соглашение с печатниками, находившимися на Кэтрин стрит, на Стрэнде, в которое вошёл Боттомли, образовав Издательскую ассоциацию Кэтрин стрит, где я стал директором, приведя туда своего недавнего знакомого Кигэна Пола. Компания процветала, и я стал крупным акционером — отчасти благодаря фактическим инвестициям, а отчасти благодаря переуступкам разных видов, сделанным для меня Боттомли. Также я вкладывал деньги и в предприятия, к которым он не имел отношения — в посудную компанию, которая в конечном счёте стала бедствовать, и в Уэльскую золотодобывающую компанию, вложения в которую оказались таким же разочарованием. Но предприятия Боттомли некоторое время шли великолепно. По его совету мы, директора Издательской ассоциации Кэтрин стрит, приняли участие в тендере на печать парламентских дебатов Хэнсарда* и выиграла его, получив правительственный контракт. Это оправдало реорганизацию нашей компании, чтобы она приобрела значительно большие масштабы, и был образован Хэнсард Юнион с огромным капиталом, который был собран по трём публичным подпискам. Это было огромное слияние нескольких огромных издательских фирм, и долгое время союз процветал. Но это стимулировало соперничество. В Сити был запущен план по созданию нового издательского союза по схеме, аналогичной нашей. Боттомли настоял на нашем слиянии с ними, и это было осуществлено, но этот огромный бизнес уже не мог должным образом управляться. Трудно понять, как он попал в беду, но огромный объём заёмных обязательств удерживался некоей компанией Дибенчюр корпорэйшн, и это привело к краху союза. Вся его собственность была захвачена держателями обязательств, а его акции, огромное количество которых у меня было, обесценились.

Здесь нет необходимости входить в подробности, да это и невозможно для меня по прошествии времени (я пишу в 1912 году), но в 1890 г. наступил крах, и я был полностью разорён. Боттомли тоже разорился и стал объектом яростных уголовных преследований, из которых после долгих судебных процессов всё же вышел невредимым. Через несколько лет ему помогли начать новое дело, для которого друзья нашли ему капитал, и он сумел воспользоваться внезапным бумом, связанным с австралийской золотодобычей. Он создал много компаний и благодаря огромным прибылям от их продвижения снова стал миллионером — на бумаге. Он был очень щедр по отношению ко мне и передал мне акции, которые в то время реально стоили около 8000 фунтов.

Промежуточный период был для нас ужасным, самое сильное беспокойство причинил иск против директоров Хэнсард на огромную сумму, превышавшую ту, которая была у всех нас вместе взятых. В суде, где дело слушалось первый раз, оно было решено не в нашу пользу, и перед нами встала отвратительная перспектива формального банкротства. Помню, как через день или два после этого неблагоприятного вердикта я получил письмо от Мэри, из которого, когда я его открыл, выпал крошечный кусочек полупрозрачной бумаги, на которой, подняв её, я обнаружил слова «смелость и надежда», написанные знакомым почерком К.Х. Вскоре этот обнадеживающий намёк оправдался противоположным вердиктом апелляционного суда. Так что страхи банкротства были рассеяны.

* «Hansard's Parliamentary Debates», официальный парламентский бюллетень, названный по имени его первого издателя Хэнсарда. — *Прим. пер.*

Тем не менее, напряжение в течение нескольких лет было очень серьёзным, и мне, чтобы свести концы с концами, приходилось очень много работать над написанием статей для индийских газет. Когда наконец Боттомли дал мне австралийские акции золотодобычи, казалось, что наше положение снова стало комфортным, но ситуация оказалась обманчивой. Я реализовал часть этих бумаг; их можно было бы продать все, если бы я подозревал опасность, в которой они находились, но всё выглядело так, что они, скорее, должны были вырасти в цене. Силы, контролировавшие мои дела, были тогда неизменно эффективны в том, чтобы направлять меня к неверным действиям. Однажды я продал кое-какие имевшиеся у меня акции за 1200 фунтов. Друг, которому я глубоко доверял как человеку чести, занятый совершенствованием своего изобретения, от которого ожидали больших результатов, знал об этом и попросил меня одолжить 500 фунтов. Он считал, что обязательно сможет вернуть этот долг через несколько месяцев. Но его ждало разочарование и в конечном счёте он разорился, и так никогда и не смог отдать долг. Другие 500 фунтов ушли на выполнение того, что я считал нравственным обязательством по отношению к другому человеку. Здесь не стоит излагать подробности, но деньги были потеряны. Никакое законное требование не обязывало меня к этому, но мне казалось, что правильно будет поступить именно так. Со временем бум в западной Австралии сменился резким спадом, и акции, которыми я владел, превратились в ничего не стоящие бумажки.

Среди ударов, которые мне пришлось испытать за долгий период бедственного финансового положения, был и один, не имевший отношения к биржевым спекуляциям. Когда я уехал из Индии, владельцами «Пайонира» был намечен приблизительный план основания офиса в Лондоне для него и «Сивил энд милитэри газетт». Мне было предложено в случае осуществления этой идеи управлять им. В конце концов было решено этим заняться и мне было получено всё устроить. Я должен был получать жалование в 500 фунтов, что было тогда для меня манной небесной, поскольку неприятности с Хэнсардом уже начались. Я сделал всё необходимое для учреждения офиса — нашёл подходящее помещение, нанял персонал и наладил работу, но со временем руководство этим оффисом сделалось столь лёгким и приятным, что сэр Джордж Аллен, который выкупил настолько существенную долю в «Пайонире», чтобы стать управляющим собственником, и поселился теперь в Лондоне, решил, что он сможет взять руководство лондонским оффисом на себя. Так что он снял меня с этой должности, чтобы выполнять эти функции самому. В то время это для меня был жестокий удар, поскольку зарплата для меня стала столь важна, и положение было курьёзным, поскольку я был уволен не за то, что как-либо не выполнил порученных мне задач, а по совершенно противоположной причине. Я сделал место, которое занимал, слишком удобным; я выполнил свою работу слишком хорошо. Но закон, управлявший в то время моей жизнью, был удивительно однообразен в своём действии.

Мне пришлось пройти через долгую и бедственную борьбу, и хотя нам удалось удержаться на Лейнстер Гарднс, куда мы переехали как раз перед крахом, в течение пятнадцати лет, нам никогда, за исключением краткого промежутка, о котором я упомянул, не удавалось освободиться от изнуряющего беспокойства, связанного с денежными вопросами.

О ХАРАКТЕРЕ ТЕОСОФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

(Ответ международного президента Радхи Бернье на вопрос участников 136-го съезда Т.О. В незначительном сокращении)

В нашей ложе есть разные мнения о природе Теософического Общества. Является оно открытой светской организацией или закрытым оккультным образованием? Каково ваше видение этого?

Т. Бобылёва, К. Зайцев (ложе «София», Москва).

Моё видение этого не менялось. Является ли Теософическое Общество закрытым оккультным образованием? Кто может подписаться под этим из тех, кто верит во всеобщее братство человечества? Пожалуйста заметьте, всеобщее. Это не просто братство или группа людей, которые думают одинаково, а братство, которое включает всех людей, и я бы сказала, не только людей, а животных, птиц, насекомых — всех обитателей нашей планеты; это всё части того, что я люблю, о чём я забочусь, защищаю... Так что есть ли Теософическое Общество такая организация, где всё зависит от того, во что ты веришь, организация, где есть определённые верования, которые она продвигает? Это организация не оккультная, но в ней нужно знать, что есть большая часть вселенной, которую нам ещё предстоит исследовать, понять, не думая о себе, как о чём-то отдельном от неё. Так что это не оккультное общество в этом смысле. Оно оккультное в том смысле, что верит в ту часть жизни, которую нужно ещё познать. Но оно и не светская организация в том смысле, что основывается лишь на том, что знают мирские люди. Вы знаете, в наши дни много людей, которые думают, что то, что они знают — это всё, что может знать человек. А есть области, которых человек ещё не касался, о которых он не знает, области мистические. И всё это они считают несуществующим. Я не хочу приводить примеры таких людей, но вы можете подумать об этом. Теософическое Общество — не организация, которая ограничивает себя определёнными идеями. Так что в нашем Обществе есть свобода мнения. Это открытое общество в этом смысле, но оно не открыто для идей исключительности, идей, которые заставляют людей сужаться, вместо того, чтобы расширяться. Так что, открытая мы организация или закрытая? На это можно ответить так: это открытая организация, но она не открыта для идеи, что мы принадлежим к определённой группе людей, которая превосходит других. Мы не выше даже насекомого, потому что все мы — часть Единой Жизни, одного братства. Все равны и только места в эволюции, которые мы занимаем — разные. И они дорастут до того, чтобы приобрести братское чувство, чувство доброй воли, доброты, понимания, что все люди части высшей души. И конечно же, мы не закрытая оккультная группа. Что не значит, что мы открыты для предрассудков, неверных идей, что мы выше других и т.д. Так что в этом вопросе нужно применить свой здравый смысл и свой разум, как впрочем и во многих сотнях вопросов, которыми занимается Теософическое Общество.

Е.П. Блаватская

ПРОТОКОЛЫ ЛОЖИ БЛАВАТСКОЙ

(Продолжение. Начало см. в №8)

Встреча ложи Блаватской 4 апреля 1889 г.

Председательствует м-р Кингслэнд

Вопросы зачитывает А. Кийтли

Вопрос 1.

Станца 5, шлока 6, комментарий.

Как писцы кармических счетов создают непроходимый барьер между личным эго и безличным Я?

Блаватская: Мне представляется, что понять это очень легко. Думаю, что всякий, понимающий истинную природу нирваны или даже христианского царствия небесного, о котором сказано, что там не женятся и не выходят замуж, должны бы очень хорошо видеть смысл этого. Ибо что такое «рупа»? И что такое «личное»? Это всегда что-то предметное или материальное, а тогда как оно может пройти за тот предел, за которым всё не имеет формы, или арупа? Я думаю, что это дано не символическим языком, а совершенно ясным. И теперь я вас спрашиваю: кто же это переходит в состояние дэвачана? Это дух, духовная душа, или монада, нагруженная духовным сознанием и разумом, или же это низшие принципы личного человека? Что же то, что туда отправляется? Вы очень хорошо знаете, что «личное» было кама-лока, а потому не может перейти даже на этот план. Те принципы остаются в кама-локе, чтобы со временем там затухнуть.* Про липик сказано, что они окружают внутри яйца — которое есть магнетическая аура или проявленный космос — человека, животное или любой конкретный предмет во вселенной, или те предметы, у которых есть форма. Это аллегория, и про этот закодированный круг сказано аллегорическим языком. Никакого такого кольца в природе не существует, но есть план материи и есть план духа или сознания. Личное «я» состоит из треугольника в квадрате, от которых остаётся только высший треугольник; он не может перейти за план даже первоначальной дифференцированной материи. Каждый атом семи принципов, даже сияние атма-буддхи (ибо сияние — это атрибут, а соотносено с абсолютностью) — каждый атом должен остаться вне врат нирваны. Одно божественное мышление — сознание, носитель абсолютной памяти, её личностей, теперь погружённых в единое безличное — может пересечь порог лайа-точки, который расположен в самых вратах проявления души и ума человека, в которых факты и события, прошлые, настоящие и будущие, равно зафиксированы в течение их совместного путешествия. Как сказано, на заре великого дня остаётся лишь то, что остаётся от разнообразной пищи в медном сосуде после того, как его хорошенько вымоют и высушат. Это цитата из книги. Но если это так на рассвете, то что же станет с той же душой и тем же умом во время самого великого дня? То, что остаётся от самого медного сосу-

да, когда его расплавят — одни воспоминания. (Понятно, что между дэвачаном и Великим Днём, или тем планом, который достигается лишь во время махапралаяи, после полного окончания всего цикла существования, есть огромная разница). Как же тогда возможно, чтобы что-то личностное туда вошло? Мы не можем представить себе такое полностью бесформенное, безатомное сознание. Во время экстаза мы можем вообразить что-то приближающееся к этому факту. Мы говорим, что субъект в этом состоянии самадхи находится за пределами повседневного мира органичений и условий, и всё для него — неподвижный день и состояние без перемен. Прошлое и будущее — всё в его настоящем, его дух свободен от оков и изменений тела. Лишь высшие и самые духовные части его манаса соединены с его собственное особой монадой, которая, подобно монаде Лейбница, отражает это и является целой вселенной в себе. Йог, говорим мы, становится причастен мудрости и всеведению вселенского разума, но можем ли мы говорить об уме, когда он переходит за лайа-точку? Если вы, джентльмены Оксфорда и Кембриджа, можете, то я не могу. Ибо я не могу говорить языком богов, а если бы и могла, то, полагаю, вы бы меня не поняли. Вот вопрос, и я бы в жизнь не могла понять, что вы тут имеете в виду. Кто задал такой вопрос? Что в нём имеется в виду — как провести разделительную линию между личным и безличным? Все вы должны это знать.

Кингслэнд: Состояние нирваны — за пределами лайа-точки?

Блаватская: Конечно же. Как может быть иначе? Почему лайа-точка просто лишь для планов материи? Есть лайа-точка, как мы её называем, которая уходит за пределы материального проявления.

Кингслэнд: Вы бы не сказали, что дэвачан за пределами лайа-точки?

Блаватская: Определённо нет. Дэвачан — одно, а «Великий день Будь-с-нами» — другое. Ибо это не просто планетарная пралайа, а вселенская.

Кингслэнд: Должны ли мы называть это нирваной или нет?

Блаватская: Нет, это паранирвана, что значит за пределами.

Кингслэнд: А в состоянии самадхи — это только нирвана?

Блаватская: Это просто нирвана.

Кингслэнд: С ней связано ещё некое количество индивидуальности.

Блаватская: Там индивидуальность духа и души, атма-буддхи.

Кингслэнд: Вы говорите, что высшая часть манаса ассимилируется монадой, но нельзя ведь сказать это о нирване?

Блаватская: Определённо нельзя. Я объяснила это потом, дальше, потому что есть много мест, где вы говорите вещи, которых я понять не могу. Я не могу понять, как вы, знающие всё об остатках личности в кама-локе, не применяете то же самое, когда говорите о «Великом Дне Будь-с-нами». Я вовсе не имею в виду наших частичных, кратких, маленьких здешних жизней. Это совсем другое. Видите, если кто-то из тех, кто задавал вопросы, был бы здесь, когда я на них отвечаю, это было бы совсем другое дело.

А. Кийтли: Здесь сказано, что эзотерический смысл первого предложения таков, что те, кто названы липиками и писцами, создают непреодолимый барьер между личным эго и безличным я.

* В «Письмах махатм» даётся несколько другая информация: «„Кто идёт в дэвачан?“ Личное я конечно же, но блаженное, очищенное, святое. Каждое я — комбинация шестого и седьмого принципов — которое, после периода бессознательного вызревания перерождается в дэвачане, неизбежно является столь же невинным и чистым, как новорождённый младенец. А тот факт, что оно перерождается вообще, показывает преобладание добра над злом в его старой личности» (Письмо 70/ML-16). — *Прим. пер.*

Блаватская: Конечно.

Б. Кийтли: По этой фразе это выглядит почти так как если бы между четырьмя и тремя принципами имелась разделительная линия.

Блаватская: Мне думается, у вас очень ошибочное представление о трёх принципах, или высшем треугольнике. Вы не учитываете, не видите разницы между тем, когда мы применяем семь принципов на этом плане (как в человеке), и когда говорим о тех же семи принципах в дэвачане, после окончания цикла жизни, что совершенно другая вещь, полностью другая.

Кингслэнд: В той станце нет ничего, что могло бы нас к этому подвести.

Блаватская: Я не могла написать больше, чем тем есть.

Б. Кийтли: Вот почему и задаются эти вопросы.

Блаватская: Разве вы не видите, что липика, «Великий день Будь-с-нами», значит — когда всё, когда цикл окончен? Я совершенно уверена, что там должно быть какое-то указание на это.

Б. Кийтли: Это ясно; но остаётся ли тогда ещё что-то, о чём можно говорить как о «личном я»?

Блаватская: Я скажу вам одну вещь, которая разрешит всё затруднение. Это какой том?

Б. Кийтли: Первый.

Блаватская: Как он называется?

Б. Кийтли: Космогенезис.

Блаватская: Тогда зачем вы пытаетесь заставить меня говорить об антропогенезисе? «Личное я» — это совсем другое. Это вещь, которая как-то связана, но никакие личные боги не будут иметь к этому никакого отношения. Это не означает личного в смысле нашей личности. Это означает предметную индивидуальность.

Б. Кийтли: Да, но это отличается от того, что могло бы следовать из той фразы.

Вопрос 2.

«Личное эго» тут означает высшую триаду (атма-буддхи-манас) или же низшую четвёрку?

Блаватская: Это есть там. Это будет означать всё, если имеются в виду принципы человека, ещё живущего на земле, и это будет не означать ничего для липики. Сказано (я цитирую дальше), что они окружают треугольник — первый; куб, или четвёрку — второй; потому все семь содержат: в треугольнике три, четвёрку или четыре внутри круга. Это совершенно ясно. Никакие принципы не могут пересечь «не-преступи-кольцо», лишь память о них остаётся в вечном божественном мышлении, которое в «День Будь-с-нами» из чего-то проявленного становится абсолютным. Потому это там есть.

Вопрос 3.

Под «проявленным планом материи» вы тут имеете в виду четыре нижних плана диаграммы на с. 200, т.е. четыре плана глобусов нашей цепи, или же низший из них, т.е. план нашей земли?

Блаватская: Я имею в виду то, что говорю. Ничто проявленное, или имеющее форму, имя или число, не может пройти за кольцо, отделяющее переменчивое и проявленное от вечно сущего и неизменного. А теперь положите это в свои мудрые головы, мои дорогие дети. Между проявленным, изменчивым и вечно сущим, неизменным есть разница, и нельзя, невозможно пересечь эту границу, и ничто из того, что в этом царстве, не может перейти в другое, за предел. Это невозможно — по крайней мере, в нашей философии. Не знаю, как по вашим представлениям, но в нашей философии это невоз-

можно. Где тут наш жалкий атом грязи, из самомнения называемый Землёй, когда говорится о пралае, универсальной разрушительнице, и об исчезновении всей вселенной, как физической, так и идеальной? Как я могу на одном дыхании говорить о Земле и с абсолютности? Этого не говорится и об абстрактных элементах (пожалуйста, см. с. 130) — даже они, когда возвращаются в первичный для них элемент, или первый без второго, никогда не могут перейти лайа-точку, или точку нуля. Разве это не ясно? Зечем же вы тогда мучаете меня? У каждого символа есть семь значений. Астрономически «не-преступи-кольцо» значит одну вещь, а метафизически — совсем другую.

А. Кийтли: Вы заявляете здесь, цитируя из Катехизиса Вишиштадвайты*... (цитирует «Тайную доктрину», с. 132/183).

Вопрос 4.

Можете ли вы объяснить эзотерический смысл этого предложения: «Тогда оно уходит через тёмное пятно на Солнце»?

Блаватская: А вы знаете, что такое вишиштадвайта? Они верят в личного Бога, и они дуалисты. Они ведантисты, но не имеют права ими называться. Среди ведантистов есть три школы: двайта (дуалисты), вишиштадвайта (которые более, чем дуалисты), и адвайта (так сказать, гуманитарии, которые верят только в науку). Потому я отвечаю, что вам лучше спросить [], потому что я не знаю, что это означает. «Тёмное пятно на Солнце» может соответствовать ангелу на Солнце. Я никогда не могла понять, что тут имелось в виду. Я даже взяла на себя труд написать самому пандиту,** и поручила Харту спросить, что имелось в виду, но он не смог мне сказать, так что могу я?

Б. Кийтли: Тогда вы не можете ругать нас за такой вопрос.

Блаватская: Не могу — я сама не знаю, что это значит. У меня есть смутное представление, потому что для них Солнце есть тот Парабрахман, они не знают ничего лучшего, и я думаю, как вы знаете, что это означает сердце Солнца.

А. Кийтли: Соответствует ли это вообще точке в круге?

Блаватская: Я цитирую это, просто чтоб показать разные системы у индусов. Я не браню вас. Я просто цитирую это, чтобы показать, что там говорится. Теперь подошёл замечательный вопрос — №5!

Вопрос 5.

Страница 135/186. Можете ли вы сказать нам что-нибудь ещё о 3000 циклах существования?

Блаватская: О, сразу же! Конечно, да! Во-первых, я не математик — и заявляю, что для меня совершенно невозможно углубляться в цифры. Во-вторых, вы прекрасно знаете, что — как уже написал мистер Синнетт в своём «Эзотерическом буддизме», — силы, у которых в кармане тайная мудрость, не любят вдаваться в цифры, они не делают этого никогда. 3000 циклов могут означать любое число, всё это зависит от продолжительности каждых 3000 циклов, которая, говоря короче, есть период целой манвантары.

А. Кийтли: Махаманвантары или малой?

Блаватская: Нет, манвантары; то есть когда завершатся семь кругов.

А. Кийтли: Но есть ли какой-нибудь смысл, приписываемый этой идее о 3000?

Блаватская: Я не знаю, возможно.

* «A Catechism of the Visishtadwaita Philosophy of Sri Ramanujacharya», сост. N. Bhashyacharya и S.E. Gopalacharlu. Madras: The Theosophical Society, 1888.

** Н. Бхашьячарья, директор Адьярской библиотеки Теософического Общества, скончавшийся в декабре 1889 г. — *Прим. ред.*

А. Кийтли: Я не спрашиваю о числовом значении, но какова идея?

Блаватская: Они говорят о 3000 во многих местах; у этого дэвачанический смысл, вот и всё. Каждый оставивший этот мир, который пересекает Нил в лодке (вы помните эту церемонию), осирязируется, становится своим собственным духом и этот дух отправляется в поле Аанроо. Вот что это означает.

Вопрос 6.

Станца 6, шлока 1. Можете ли вы расширить объяснение о четырёх родах вака?

Блаватская: Иными словами, можете ли вы проанализировать две лекции Суббы Роу, и как только это будет опубликовано, получить на свою голову все благословенные []. Это цитата из его лекций о Бхагавад-гите; он подразделяет вак и говорит о четырёх его формах как ведантист, делающий упор на четвероликого Брамму, того, кто проявляется на нашем плане и тождественен также и с тетраграмматоном. Если не четвероликим, тогда четверочисленным. Он разделил вак на семь частей и говорит о семи лицах нашего Авалокитешвары, то есть, так сказать, семи силах, проявленных в природе. Наш вак — это женский логос. Читайте Вишну-пурану, и мне не нужно вас об этом просить, потому что я знаю, что вы читали это несколько раз. Или опять же в Ману-смрити, или любом другом труде, где упоминается вак. И вы обнаружите, что Брама разделен на два лица, мужское и женское, и они сотворили семь ману. А это экзотерическая версия эзотерического или того, чему я вас учила много раз. Мы ведантисты, и покидая мы придерживаемся семеричности, вак является женским аспектом семи логосов. Вы должны понять, что это значит. Они все андрогинны. Даже первый, каким бы бесплотным он ни был, должно быть, сделанный из ничего, тем не менее андрогинен — у него есть женский аспект, и потому он эмануирует второй логос. А следующий вопрос даст вам больше.

Вопрос 7.

Говоря о «Семи сынах света и жизни» как находящихся за пределами лайа-центров, вы имеете в виду только то, что может быть названо «негативными» лайа-центрами, которые органичивают нашу Солнечную Систему? Ведь термин «лайа-центр», похоже, обычно используется для абсолютного предела всякой дифференциации.

Блаватская: Это действительно так, в пределе дифференциации в проявленном космосе. То, что имеется в виду, для нас может быть абсолютной темнотой, но конечно же, там, за пределом, это не может быть ни дифференциацией, ни лайей, как мы представляем их. Когда я говорю о «Семи сынах света и жизни» как находящихся за пределами лайа-центров, это значит лишь следующее: они не подвержены ни лайе, ни дифференциации — по крайней мере, в течение цикла их жизни, который длится махаманвантару. Если бы вы только помнили порядок, в котором эмануируют дхьян-чоханы, или теогамии, которая там объяснена во многих местах, вы бы не задавали этого вопроса. Я думала, что вы к этому времени уже знаете, что логос номер один испустил семь первичных лучей, которые как один и называются семеричным облачением судьбы; и что из него в конечном счёте рождается логос номер три, семь лучей которого становятся космическими строителями, и собрание которых и есть фохат. Как же тогда могут семь сынов света и жизни, семеричное облачение непоколебимой судьбы, быть иначе как за пределами лайа-центров? Это как раз то, что я имела удовольствие объяснить нашему дорогому президенту, м-ру Кингслэнду. Думаю, это очень понятно. Вы не можете использовать лайю для указания на что-либо, кроме материи, про-

явленной материи, дифференциации. А за пределами этой лайа-точки, которая есть нулевая точка материи, находится материя, которая никогда не дифференцируется, и ничто. Это не то, что является вопросом тепла или чего-либо, это просто внутренность — как мы это объясним — как я объясняла вам столько раз. Каждый из них бесконечный, безбрежный, беспредельный, и всё же их семь. Вот вам загадка! Она не физическая, если не математическая, и всё же, я полагаю, каждый должен постараться это представить — это не вопрос права, лева, верха, низа, выше или ниже. Это просто вопрос состояния материи или состояния сознания. Материя везде, потому что материя и дух едины, но лайа-точку или то, что за нею, нельзя назвать ни материей, ни духом — это и то, и другое, и ничто.

Б. Кийтли: Тогда это действительно выглядит так, как если бы лайа-точка отделяла четыре плана, которые можно назвать более особенно проявленными — планы глобуса, Солнечной Системы и так далее — от трёх высших планов, о которых мы говорили.

Блаватская: Они не так. Три плана и четыре — в одном космосе, как семь принципов в вас; но это просто так: если вы не можем понять или осознать, что у нас эти три принципа, такие как высший разум (или манас), буддхи (духовная душа) и атма (та душа, которая есть синтез) — если мы не в состоянии осознать это, то как можно претендовать на то, чтобы постичь то, что совершенно непостижимо для интеллекта человека — три высших разума? Вот почему я даю только четыре — потому что они представляют те планы, на которых находится наша планетная цепь. Но я не могу идти за их пределы, потому что это было бы совершенно непонятно; более того — моё знание ни английского, ни какого-либо другого языка не позволило бы мне этого, потому что я не смогла бы объяснить.

Кингслэнд: Должно быть, надо рассматривать три высших принципа как дифференциации абсолютного единого, тогда как за лайа-точкой дифференциации нет никакой.

Блаватская: Вот именно так оно и есть.

Б. Кийтли: Но есть ещё семь иерархий.

Блаватская: Семи нет. После этого всё едино.

Б. Кийтли: Это было сказано в виду использованной фразы «Семь сынов света».

Блаватская: Не обращайтесь внимания на то, что мы используем; у нас есть язык, чтобы говорить множество вещей, и мы не можем сказать большего, чем уже развила философия. Будьте добры, попытайтесь понять, что там нет ни дифференциаций, ни духа, ничего — для нас это абсолютная темнота. Высшие дхьян-чоханы не могли бы сказать вам больше, чем мог Герберт Спенсер. Это вещь, относительно которой человеческий интеллект не может вдаваться в умозрения. Для нас, глупых мужчин и женщин, совершенно смехотворно и абсурдно рассуждать о подобных вещах. Когда я говорю о глупых людях, я включаю туда всех обладателей высочайших в мире интеллектов.

Кингслэнд: В то же время вы не говорите о лайа-точке материи, за которой нет дифференциаций, относительно?

Блаватская: Нет, нет.

Кингслэнд: Относительно.

Блаватская: Взгляните сюда. Попробуйте меня понять. У нас есть семь планов материи. На каждом из этих планов есть опять же семь, и у каждого есть своя лайа-точка. Когда мы на нашем плане, здесь есть лайа-точка, которая — седьмая нашего плана, но когда вы перешли за пределы этих семи планов, или семи божественных мышлений, как их иногда называют, тогда там нет уже ничего. Вы не можете уже размышлять, по-

тому что там нет ничего, что можно было бы ухватить, представить, это полностью невозможно.

Кингслэнд: Тогда это в точности, что я имел в виду — что есть некоторые относительные лайа-точки.

Блаватская: Да, но те, что исходят от первого логоса — за пределами любой лайа-точки, потому что они ещё не принадлежат дифференцированному космосу. Их называют семеричным облачением судьбы; я не знаю почему, но это так. Примите во внимание, что хотя их семь, они — одно; они, так сказать, необходимость семи, замысел семи, которые будут, второго логоса — те, что будут семью, из которых эманацией изойдут семь сил природы. Пожалуйста спросите меня, если чего-то не понимаете, потому что я хочу приступить к этим инструкциям очень серьёзно.

А. Кийтли: (Читает из «Тайной доктрины», с. 138/189).

Вопрос 8.

Находится ли фохат в том же отношении к Иерархии Семи, в каком маяви-рупа — к адепту, т.е. выступая как разумная, бесформенная, активная мысленная сила или энергия?

Блаватская: Поставивший этот вопрос, кто бы это ни был, дал прекрасное определение. Совершенно так, как вы сказали. Кто из вас до этого дошёл? Позвольте мне вручить ему лавровый венок.

Б. Кийтли: Это был Арч.

Блаватская: Ну хоть раз я могу сделать вам комплимент, определение было совершенным. Это маяви-рупа. Нельзя найти лучшей иллюстрации. [После паузы.] А теперь опять пойдёт ерунда.

Вопрос 9.

Шлока 3, с. 140/190. После махапралайи или какой-либо из меньших пралай «материя» сохраняет свой статус кво в плане степени её прогресса, чтобы вновь явиться в манвантаре и принять дифференциацию и приступить к эволюции с точки, соответствующей той, с которой она ушла в пралаю?

Блаватская: Материя сохраняет статус кво, так сказать, ту форму, в какой её застиг час пралайи, только в связи со сферами, или глобусами, нашей цепи. Затем глобус, переходя в затемнение (obscuration, как совершенно верно называет это Синнетт словом, которое было ему дано), становится, по словам Учителя, подобным огромному киту или мамонту, замёрзшему в массе льда. В момент, когда его застигает пралайя, всё остаётся в том же состоянии. Даже если человеку случится не умереть, он будет оставаться в точности таким, как был. А теперь слушайте. В ином случае, то есть во время любой другой пралайи, кроме планетарной, — в солнечной например, когда наше Солнце погружается в сон, материя системы, которой предстоит умереть и выйти из существования, рассеивается, чтобы образовать другие формы в других системах. У каждого атома или молекулы есть своя карма и своя судьба, и каждый отрабатывает по-своему бессознательно или соответственно тому маленькому разуму, какой у него есть; или он, если вам угодно, перейдёт в другие, более высокие системы, когда там начнётся новая манвантара. Но планетарная манвантара — это единственная, в которой всё сохраняет свой статус кво. В некоторых санскритских книгах есть грандиозные вещи, описания этого: когда близится пралайя, происходят все виды космических явлений — самые великолепные. Я цитирую высказывание об этом, но это длинный текст, около 17 или 18 страниц.

Гарднер: Это Пураны?

Блаватская: Это не в Пуранах, это в философской книге, написанной одним из тех риши. У меня она здесь была, но я не знаю, что с ней сделали. Я дала одному из

величайших пандитов перевести мне её слово в слово, и потребовалось около двух недель, чтобы всё это записать, потому что это великолепная вещь. Я хотела бы опубликовать её в «Теософисте».

Гарднер: Демонстрируют ли при этом животные какие-нибудь особенности?

Блаватская: Животных там остаётся немного. Там остаётся то, что называют щитами (семенами); говорят, что они — великие адепты, которые, когда настанет время, то есть когда затемнение окончится и волна жизни снова достигнет данного конкретного глобуса, станут ману. Тогда они окажутся семенами жизни — семенными ману.

Кингслэнд: А планета, находящаяся в затемнении, всё ещё будет видима с других планет?

Блаватская: Конечно же, определённо да. Мы видим много мёртвых планет.

Кингслэнд: Термин «затемнение» создаёт впечатление, что в таком состоянии она не будет видима.

Блаватская: Это значит — с точки зрения того, что на той планете, а не на других.

Женский голос: А Луна сейчас разве не в затемнении?

Блаватская: Нет. Она совершенно мертва, как железняка.

Холт: Разве мы не понимаем затемнение как такое вот паралитическое состояние?

Блаватская: Там то, что они не спят. «Не умер, но спит».

Гарднер: Приостановленная одушевлённость.

А. Кийтли: Похоже, тогда есть три стадии: затемнение, смерть и растворение.

Блаватская: Да.

А. Кийтли: Постепенное продвижение к разрушению. Есть одна стадия, которую вы указываете как замороженное состояние, паралич; есть полная смерть, как у Луны; и наконец, солнечная смерть, когда всё взрывается и уходит.

Блаватская: Но есть семь состояний, если брать не только планеты, но и всё, что на них. Возьмите сон, возьмите транс и возьмите состояние анабиоза, в которое входит йог, когда его закапывают на 40 или 50 дней, а потом он возвращается к жизни.

А. Кийтли: Состояния планет этому соответствуют?

Блаватская: Всё соответствует. Из того, что происходит с человеком, нет ничего такого, что не происходило бы со всем прочим.

А. Кийтли: Тогда какому состоянию соответствует этот вид паралича?

Блаватская: Ох, это не для вас. Задавайте свой вопрос. Не начинайте прыгать.

Гарднер: Можете ли вы назвать нам любую из планет, находящихся в затемнении?

Блаватская: В другой день, когда вы поставите этот вопрос. Поскольку этот вопрос тут не значителен, я не буду. Будьте добры научиться немного большей методичности.

Б. Кийтли: Я думаю, это сказано где-то в «Эзотерическом буддизме». Думаю, что Марс только выходит из затемнения, а Венера только входит в него. Точно не помню.

Вопрос 10.

Страница 143/195. Можете ли вы дать нам краткий очерк «Жизни и приключений атома»?

Блаватская: Вот вопрос, которого я ждала. «Можете ли вы дать нам краткий очерк Жизни и приключений атома?». Нет, но вместо этого я предложу вам два вопроса. Теперь вам придётся на них ответить. Как вы считаете,

что больше — ваше тело или весь космос? Вы, конечно, скажете, что космос.

А. Кийтли: Да, но подождите...

Блаватская: И во-вторых, что же из этого содержит большее количество атомов или молекул — вы, или этот космос? Выбирайте.

Холт: Я должен сказать, что это точно то же количество?

Блаватская: Неужели? А как насчёт людей, которые меньше или сильно больше?

Холт: Дело в размере самих атомов.

Б. Кийтли: Нет, в расстоянии между атомами. Так с научной точки зрения.

Блаватская: О! Но мы тут анти-учёные.

А. Кийтли: Человек сопоставим со всем космосом.

Блаватская: Я вам скажу, почему я задала этот вопрос. Полагая безнадежность предложенной вами задачи, и признаваясь, что я неспособна просветить вас очерком жизни и приключений каждого атома, я стремлюсь дать вам биографию одного из ваших персональных атомов. Давайте теперь посмотрим: щедра ли я и добра, соглашаясь сообщить вам жизнь и приключения только одного?

А. Кийтли: Я и просил одного.

Блаватская: Теперь посмотрим, возможно ли это. Сколько лет понадобится мне, по-вашему, чтобы дать вам точный отчет хотя бы об этом одном атоме? Ведь оккультная наука учит, что с момента рождения до момента смерти (а после неё ещё более) каждый атом, или, скажем, частица, изменяется за каждую седьмую часть чего-то такого, что намного меньше секунды; что он изменяет своё местоположение и меняясь, непрерывно путешествует вместе с кровью, внешне и внутренне, день и ночь. И теперь вам 28, 29, или, сколько вам лет? Скажем, 30. И допустим, если я возьму атом вашего тела и начну давать вам жизнь и приключения этого благословенного атома во всех его трансформациях, вращениях и перевоплощениях с момента вашего рождения, сколько же времени это займёт, господа математики? Скажите мне, сколько. Сосчитайте и я дам вам это.

А. Кийтли: Однако я просил в общем, краткий очерк.

Блаватская: Идите в кровать!

Кингслэнд: Если вы просите человека рассказать краткую историю его жизни, вы же не ожидаете от него рассказа про каждый прожитый им день.

Блаватская: Атом не человек. У него не бывает романов, ухаживания и брака, он не проходит через процедуру банкротства, не становится городским депутатом, мэром и т.п. Атом — это штука, которая ведёт себя очень хорошо, и что делает один атом, делает и почти любой другой. Есть некоторые малые вариации, но это ничто. Но прийти и рассказать то, что я имею здесь в виду, и изложить жизнь и приключения атома — это означает просто невозможное. Так как я сказала, что химик был бы поражён и счёл бы это величайшей чужью, если бы алхимик вдруг стал рассказывать ему жизнь и приключения атома, и всё же он приходит и задаёт этот вопрос. В самом деле, серьёзно всем вам следовало бы знать предел, и вы должны оставить для бедного автора какую-то возможность для упражнения своего воображения.

Кингслэнд: У нас должно быть что-то, на что можно было бы повесить нить нашей беседы.

Блаватская: Ну, если вам нужны только колышки для подвешивания, это другое дело.

Б. Кийтли: Вопрос атомов возникает в «Тайной доктрине» вполне уместно.

Блаватская: Да, возникает. И я имела честь сообщить вам, что имела в виду под атомами — что я употребляла

их в том смысле космогенезиса. Я сказала, что они — геометрические и математические точки.

Б. Кийтли: Но у вас ведь в уме что-то определённое, когда вы это пишете?

Блаватская: У меня в уме очень много вещей, которые я не хотела бы делать публичными. Там может быть что-то такое.

Кингслэнд: Я думаю, м-р Холт должен сказать нам, почему он говорит, что в теле и в космосе одинаковое количество атомов.

Холт: Я рассматривал и Землю, и солнечную систему как атом — это было в относительном смысле. Каждая система может рассматриваться как всего лишь атом целого космоса, в точности как мы — лишь атомы Земли, постоянной по отношению к нашим телам.

Кингслэнд: Вы говорите, что каждая индивидуальность — атом?

Холт: Математическая идея атома — наименее представима, а не наименее демонстрируема — так что, как видите, я не настаиваю на таком решении вопроса. Мы можем представить великое и малое, и в нумеральном они того же размера. Разве нет?

Кингслэнд: Но вы сравниваете индивидуальный космос. Вы не работаете на том плане, вы работаете на плане проявления.

Холт: Я использую это в том смысле, но это было не так до того, как Е.П.Б. дала мне своё определение атома, и я полностью понял, что имелось в виду. Если это математический атом, тогда я говорю «так же много». Я имею в виду метафизически.

Б. Кийтли: Особенность математического определения точки — в том, что что у неё вообще нет размера, ни величины, ни малости.

Холт: Потому она может быть всем, а может быть ничем. Вот на самом деле почему я сказал, что в человеке столько атомов.

Блаватская: Вы сказали это просто каббалистически, как «микрокосм макрокосма».

Вопрос 11.

Сноска (с. 143) говорит о силе как о состоянии материи. Являются ли силы атомарными и молекулярными, хотя бы не воспринимались чувствами? Использованная вами фраза, похоже, подразумевает, что оккультисты не проводят различия между силой и материей. Это действительно так? Пожалуйста, расширьте и разъясните.

Блаватская: Всё же, я говорю, что сила, проявленная на этом плане, есть состояние материи. Чем бы вы назвали «лучистую материю», как не состоянием материи? Но энергия, которая производит состояние материи, совершенно то же, что и сила. Называйте это силой или энергией, мы рассматриваем её как состояние материи на этом плане, ведь она не может действовать без присутствия материи, и эти две не могут быть [разделены]. Чем сила является на другом плане — совершенно другое дело. Но я имею в виду на этом. Я говорю, это электрическое состояние, — вот что я говорю. Каждую силу, которая производится, к чему бы она ни была приложена, мы называем электрической силой. Это функция всего вселенского электрического океана в действии. Вы понимаете, что я имею в виду?

Кингслэнд: Не совсем.

Блаватская: Поскольку я не знаю, как считает наука в этом году, то не могу сделать сравнения. Я знаю, чем она считала это в прошлом году, но она, как вы знаете, меняется, словно атом.

Холт: Вы признаёте изначальную субстанцию, которую движет или энергетизирует присутствующая в ней единая абсолютная жизнь?

Блаватская: Конечно же, определённо да.

Холт: Тогда мы можем считать это определённым идеалом, но всегда сосуществующим и вездесущим.

Блаватская: Конечно. Я говорю, что сила на этом плане есть материя, состояние материи, как минимум; у неё есть функция, качество материи — не той материи, на которую она действует, а материи в общем — универсальной материи субстанции универсальной субстанции. Называйте это жизнью, электричеством, фохатом, называйте это как угодно; это всегда фохат.

Холт: Сказали бы вы тогда, что вся космическая сила, как например планетные влияния, ничто иное, как излучение материи?

Блаватская: Это излучение чего-то, хотя для нас это может и не быть материей, и у нас нет права называть это материей, и всё же на том плане это материя, субстанция. Называйте её как ходите.

Холт: Это будет в согласии с заявлением, которое вы сделали мне тем вечером — что всё есть касание; так, например, мы могли бы назвать свет, воспринимаемый оптическим нервом, силой.

Блаватская: Я думаю, это больше физическая наука хочет сделать первое заявление, но касание — это нечто другое, нежели имеется в виду здесь. Кто говорил со мной о прикосновении? Думаю, м-р Кингслэнд. Один вечер мы здесь говорили о первом чувстве, которое должно быть осознанием.

Кингслэнд: Это д-р Уильямс.

Блаватская: Но то, как он объяснил, вовсе не так, как объясняем это мы. Это касание, всё есть касание. Вкус и запах — прикосновение, потому что всего нужно так или иначе коснуться, чтобы привести это конкретное чувство в действие или вибрацию, как бы вы это ни называли. Потому я говорю, что сила — это определённое состояние материи. И какие возражения у вас есть против того, что я говорю? Я имею в виду — в этом вопросе.

А. Кийтли: Что я хотел понять, так это следующее. Допустим, что мы видим, например, спичечный коробок. Это сила, проявленная на этом плане, разве не так? Он представляет силу.

Холт: Пожалуй, это сила, принимающая форму.

А. Кийтли: Но это сила.

Блаватская: Без силы ничто не может проявиться.

Б. Кийтли: Кристаллизованная сила.

А. Кийтли: Это сила в статическом состоянии.

Блаватская: Лучше бы сказать, как говорят буддийские философы — сцепление причины и следствия. Это сила.

Б. Кийтли: Видите, обычное представление о силе — это то, что меняется или склонно меняться. Вкратце — состояние материи, которое движет материю.

Блаватская: Есть присущая энергия, присущее движение, которое склонно меняться, а вовсе не сила. Сила — это всё, потому что нельзя произвести и малейшего последствия без причины — использования какого-то количества силы — интеллектуальной, моральной, физической, психической, какой угодно. А что такое сила? Это непрерывное действие того, что мы называем единой жизнью, единым движением, великим движением, которое никогда не прекращается, которое продолжается во вселенной всегда.

Холт: Тогда сказали бы вы, что она всегда двигалась в изначальной материи?

Блаватская: Всегда. Это продолжается даже во время прапайи. Там нет никого, чтобы это видеть или заметить количество вибраций, но тем не менее это есть.

Кингслэнд: Теперь возьмём, например, свет и тепловое излучение. Имеет ли место действительное движение частиц материи к нам от предмета, который излучает свет и тепло?

Блаватская: Не знаю. Вы видите, у нас совершенно разные представления о свете.

Б. Кийтли: Давайте оставим свет и займёмся теплом.

Блаватская: У вас есть свои предвзятые идеи, которые вам внушила наука. У вас наука, как первосвященник, инициатор всех ваших идей. Вы обязаны, будто это долг чести, принимать всё, что вам говорят Королевская Коллегия или члены Королевского общества. Мы же, оккультисты, с другой стороны, — подвергнутые остракизму игнорабусы (невежды); у нас свои идеи, своя собственная наука; а потому я, будучи одним из скромнейших и самых невежественных невежд, не могу всегда обосновывать то, что даю вам, иллюстрациями из науки, потому что ничего о ней не знаю.

Б. Кийтли: Я думаю, что Кингслэнд клонит к тому, что нам в головы вложили некоторые ошибочные идеи, и мы вынуждены пользоваться тем же языком, который нам знаком.

Блаватская: А если я его не знаю?

Б. Кийтли: Думаю, что он пытался добиться от вас следующего — объяснить, насколько вы можете, что учит оккультизм о передаче, например, тепла, от лампы или чего-то раскалённого докрасна.

Блаватская: Оно передаётся тем же образом, как производится цвет или звук или становится проявленной и видимой любая сила. Мы учим, что всё это исходит от дхьян-чоханов.

— А это не молекулы?

Блаватская: Может быть; всё молекулярно, если вы называете молекулярным то, что есть нечто. Конечно я знаю, что вы имеете в виду под молекулярным, даже в науке.

Кингслэнд: То, что я хотел выяснить, это вот что: наука передачу света представляет как передачу через некую среду. Допустим, у вас есть длинная палка, и вы ударяете один её конец, не передвигая палку в целом — у вас получается передача удара от одного конца к другому. От этого конца к тому никакой предмет не передаётся. Нам хочется знать, то же ли происходит в случае света, или же имеет место действительная передача частиц от светящегося предмета к нам.

Блаватская: Я скажу, что здесь передача частиц.

Холт: Передаются ли они, когда свет светит сквозь стекло? Они проходят сквозь него?

Блаватская: Эти частицы могут пройти через что угодно. Все эти вещи для них ничто. Это точно так же, как дух проходит через стену.

Холт: Это не причастно природе материи. Это материя, но на другом плане.

Гарднер: Хотя проявляется на этом плане.

Блаватская: Проявляется — не в частицах, поскольку это не частицы в нашем понимании, а лучи, лучистые энергии. Это очень трудно объяснить. Они — эманации, или дыхания. Я боюсь, что вы меня не поймёте.

Б. Кийтли: Был большой диспут между кем-то* и Ньютоном, придерживающимся этой корпускулярной теории и её сформулировавшим. Затем на смену ей пришло мнение современной науки, теория волн, подобных вибрациям, распространяющимся вдоль палки.

Блаватская: И корпускулярная теория, как она была представлена Ньютоном, и волновая теория, которая держится теперь благодаря эфиру, существование которого [учёные] были вынуждены признать, заимствовав от древних, как бы противно им это ни было — обе не-

* Гюйгенс. — Прим. пер.

верны. В обеих, согласно оккультизму, есть верные предпосылки, и всё же неверные заключения. Обе запутывают дело. Это исключительно трудно, но возможно, со временем мы и сформулируем слова для вещей, которые вы тогда уже хорошо поймёте, но до того как эти термин будут придуманы, объяснение этого для вас мне представляется почти безнадежным делом. Например, у меня есть идея, которая мне совершенно ясна и которую я считаю верной; я знаю, что это такое? Но как мне объяснить её вам, даже если бы в моём распоряжении были все научные термины, используемые в физике и т.д.? Я не могу, потому что нужных выражений не существует.

Кингслэнд: Но ведь всегда есть какие-то аналогии.

Блаватская: Для меня аналогия — это нечто совсем другое. У меня вовсе не научный ум. Я никогда в жизни не изучала современную науку. Всё, что я знаю, просто из чтения, и иногда я, читая, не уделяла этому особого внимания. В некоторых случаях мне нужно было изучать, потому что я должна была это опровергнуть, показать необоснованность этого. Но в целом я не знаю, меня это не интересует, потому что я знаю, что это чепуха, которая завтра поменяется. Почему я должна запутывать себе мозги, изучая всё это наукообразие? Каждый день они придумывают что-нибудь ещё, и на следующий день приходится модифицировать представления или вообще от их избавляться, или поносить это тем или иным способом. Я не хочу учиться чему-то ещё, потому что приходится сначала учиться, а потом переручиваться. Для вас, мужей науки, это очень легко — вы помните вещи, которые потом бросаете, но у меня слишком много оккультных теорий, которые я должна изучить и объяснить вам, чтобы ещё озаботиться физикой, которую ненавижу.

Холт: Можно ли перейти дальше ко второй части нашего вопроса и спросить, возможно ли на любом плане контактировать со всей этой материей в её разнообразных формах, если у нас есть требующиеся для этого чувства? И затем я могу дополнить вопрос: Есть ли у нас соответствующие чувства, даже в нирване?

Блаватская: Для нирванических эффектов, конечно же, но их называют нирваническими. Что же это значит? Это значит «погасшее пламя», нирвана, больше нет, ничего. Это как ветер, который пронесется и сдувает всё. Это полное исчезновение всего, подобного материи, знакомой нам на земле. И не только материи, а даже всех наших свойств, функций, чувств, всего. Ничто такого рода в нирване не может продолжаться. Потому всё это понимают неправильно и говорят, что это уничтожение, что совершенная чужь.

Холт: Но индивидуальное сознание ещё остаётся, разве нет?

Блаватская: Не нынешнее индивидуальное сознание, а вселенское сознание, частью которого является индивидуальное. Видите, это совсем другое. Достигнув нирваны, вы уже целое, Абсолютность.

Гарднер: Но вы же всё равно дифференцированы?

Блаватская: Абсолют дифференцирован? Боже правый!

Холт: А что же тогда паранирвана?

Блаватская: Паранирвана отличается от нирваны, потому что мы в Абсолюте, который сразу же за планом, где начинается дифференциация. А паранирвана — это нечто за пределами *мета*, о которой вы не можете знать ничего. Из нирваны вы возвращаетесь в новую манвантару, а вот когда паранирвана, это конец всего, и никто никогда не вычислял, что будет потом. Вот и вся разница, философски.

Холт: Каково буддийское название состояния, где впервые проявляется индивидуальное сознание, выходя из нирваны, направляясь на план материи?

Блаватская: Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Холт: Вы говорите, что индивидуальное сознание исчезает, исключая то, что оно сохраняется в Абсолюте. И насколько это касается индивидуальности, сына «Я есмь», которое отдельно от абсолюта, это уничтожается в нирване?

Блаватская: Конечно это уничтожается. «Я есмь то, что я есмь»,* так сказать, я есмь всё, я есмь Абсолют. Вы тогда не стары, но вы — всякая благословенная вещь, которая когда-либо была, есть или будет; ведь что это такое? Вы просто создаёте для себя идею Абсолютности.

Холт: Самоидентификация погружается в Абсолют?

Блаватская: По нашим представлениям, её больше нет, но это идентификация. Это очень сложная метафизическая проблема. Вы должны это понять. Если вы представляете божество как Абсолютность, или если вы представляете божество с атрибутами, тогда это божество не может быть бесконечным. Оно не может быть вечным, у него есть начало и конец. Таковы манвантарические боги, те, что существуют в течение жизненного цикла. Абсолютность же — это то, что является (для наших умов, по крайней мере) неизменным, у которой никогда не было начала и не будет конца, которая вездесуща, которая — абсолютное всё. И когда мы говорим об этой Абсолютности, что она абсолютно бессознательна, абсолютно без всяких желаний и мыслей, это потому что мы имеем и должны иметь в виду, что это абсолютное сознание, абсолютное желание, абсолютная любовь, абсолютное всё. Теперь вы видите, как это труднопредставимо. Те, кто воспитаны на богословии, которое всё ограничивает и обуславливает, принижая всё, что есть, величайшие вещи в мире, равно как и те, кто, как учёные, не верят ни во что, кроме ограниченного и обусловленного, не могут представить ничего иного. Потому оккультизму пока приходится бороться с наукой и ещё более материалистическим богословием. Потому что учёный держится своей области и выполняет свой долг. Он говорит: «Я не могу понимать или верить, я буду придерживаться того, что показывают мне пять чувств»; но вот богословы, которые заявляя, что Бог беспредельен, бесконечен, что Бог — абсолютная справедливость и доброта, и наделяя его этими абсолютными свойствами, в то же время делают его мстительным и подверженным ошибкам, сожалеющим, что создал человека и делающим всевозможные вещи, всё же будут говорить, что он абсолютный и бесконечный. Вот где возникает эта ужасная, нефилософская и нелогичная вещь, у которой ни головы, ни хвоста, и которая в совершенном, полном противоречии всему. Если вы хотите, чтобы это было выражено философски, вам нужно принять ведантистский взгляд на вещи, но если вы придёте к богословам Запада, вы пропали.

—: Это приспособления истины.

Блаватская: Не они, потому что можно было бы сделать то, что сделали в Индии: им пришлось приспособить это к умам бедных невежественных индусов, но там нет таких противоречий. Они говорят «Бог». Один будет поклоняться Вишну, другой Шиве, чему угодно, но они никогда не скажут, что эти боги бесконечны и у них никогда не было начала и не будет конца. Они скажут, что боги умирают, и Брама в конце манвантары отправляется в праляу, и остаётся только Единое, которому они не дают имени, а называют просто «То». Потому они говорят: «мы не можем дать этому имени, это то, что всегда было, есть и будет, и не может быть». Так что вы видите, насколько они философичны — куда более, чем мы. Я не могу понять даже Герберта Спенсера, го-

* Фраза, в русском переводе Библии переведённая как «Я есмь Сущий». — Прим. пер.

ворящего об одном божестве и затем называющего его «первопричиной» и «высшей причиной».

—: Они пытаются постичь вещи, которые за пределами уровня их возможностей.

Блаватская: Определённо да. У того, что абсолютно, бесконечно, не может быть каких-либо атрибутов; говорить так об этом — совершенно не по-философски. Тому, что абсолютно, нельзя приписывать какие-либо связи, потому что у Абсолюта положительно не может быть никаких связей и он не имеет отношения к обусловленному; всё это должно быть совершенно отдельными вещами. Когда меня спрашивают, как же это так он эманурует, я отвечаю, что он эманурует вовсе не потому, что Всевышний или Отец Небесный этого хочет. Это просто потому что это Вечный Закон, закон ночей и дней, как они говорят о Бrame. Есть дыхание, этот принцип, этот закон, и есть нечто, что проявляется, проявляющаяся вселенная. Я говорю, что это самое величественное и возвышенное представление о Божестве.

—: Наши самые высшие представления об истине — это не абсолютная истина. Мы можем вобрать только то, что мы способны вместить.

Блаватская: Вот почему я говорю, что нет ни одной вещи, которая была бы абсолютна и о которой мы не могли бы порассуждать.

—: А мы пытаемся говорить о вещах, для которых у нас нет слов.

Блаватская: На этом плане могут быть умозрения, но о том, что не имеет отношения ни к каким из идей, имеющимся у наших голов, совершенно невозможно рассуждать. Вот почему индусы называют это «То»; они называют это единой темнотой, когда она проявляется, в ней лишь лучи. Затем происходит проявление и творение, как они это называют, развитие, эволюция мира.

Вопрос 12.

«Семь малых колёс — одно порождает другое». Если принять во внимание диаграмму на с. 172/226, изображающую Земную и Лунную цепи, значит ли это, что в нашем планетном круге глобус А порождает глобус В?

Блаватская: Из умирающей планеты выходит принцип, один за другим, и порождает глобус, как каждый принцип порождает другой, за исключением физического тела, ибо оба — порождения лунной кама-рупы. То, что я хочу сказать, касается только нашей планетной цепи. А в «Эзотерическом буддизме» вы найдёте, как эта волна жизни, как это там названо, проходит, и при её прохождении формируется один, а затем начинает формироваться другой; а потом один переходит в затемнение, и так они идут друг за другом. Они эмануруют. Потому если вам приходится верить тому, что учат оккультные науки, а именно, что наша Земля порождение Луны, что это маленький кусочек грязи — что ж, это вопрос предпочтений. Но если верить в оккультную доктрину, тогда каждый принцип идёт один после другого. Первый принцип, который живёт, когда Луна начинает умирать, порождает глобус А, затем другой может породить В, и так далее. Это идёт по кругу, средний начинает лунная кама-рупа, так сказать, местопребывание материальных вещей.*

Кийтли: Видите диаграмму, как она нарисована, вы помните, как там две цепи изображены рядом. Затем А посылает свои принципы в А Земной цепи. Но фраза в комментарии похожа, наводит на мысль, что вместо этого процесса происходит так: А устанавливается, затем из А пришла планета нашей цепи В и А её собственного плана.

* Весь абзац очень неясен, вероятно, плохо записан стенографистом. — *Прим. пер.*

** См. статью о планете Вулкан в №3 «Вестника теософии». — *Прим. ред.*

Блаватская: А производит А, В производит В и так далее.

Б. Кийтли: А слова станцы, похоже, указывают на то, что А производит В.

Блаватская: Должно быть, это было сделано кем-то из вас — шести или семи редакторов.

Б. Кийтли: Это слова станц, а там изменений не делалось. Это выглядит так, как если бы по-английски имелось в виду каждое колесо последующего колеса.

Блаватская: Не будьте такими утончёнными. Я могу дать это, а вы потом можете изменить, если вам захочется.

Б. Кийтли: Это была только попытка выяснить, нуждается ли что-то в объяснении.

Блаватская: Нет; это значит одно колесо, один глобус порождает другой.

Б. Кийтли: В двух последовательных цепях?

Вопрос 13.

Страница 145/199. В отношении чего в прошлый четверг было сказано о туманности, которая в совокупности является фохатическим сродством: и каково отношение лайа-центра к такой туманности?

Блаватская: Снова лайа-центр. Вообще никакого отношения. Лайа-точка это маленькая своя собственная абсолютность и не может иметь связи с дифференцированными вещами, насколько мне известно. Это состояние в точке, более того. Это ни точка, ни треугольник, ни вообще какая-либо геометрическая фигура. Лайа-точкой это называется просто для того, чтобы указать на лайа состояние. Это состояние — лайа, а вовсе не что-то такое, на что можно указать какой-либо геометрической фигурой.

Вопрос 14.

«...Четыре и один цан (часть) открылась — две с половиной скрыты...». Есть ли определённое разделение на две части проявления пятого элемента, соответствующее отделению высшего манаса от низшего?

Блаватская: Да, есть. Но знаете, это очень сложный вопрос, в который сегодня вы не можете углубляться. Это вещь, которая конечно существует, потому что если в природе есть какая-то аналогия, это должно быть так, но мы конечно не можем сейчас в это углубляться.

—: Были ли оккультисты в курсе, что планет — восемь?

Блаватская: Они знали намного больше. Они просто говорили о семи планетах. Они взяли Землю и Солнце в качестве заменителей, потому что у них были планеты, о которых теперь наука имеет лишь смутное представление. Есть одна из самых священных планет, вторая, которая соответствовала тому телу, за которое принимают Меркурий. И есть одна между Меркурием и Солнцем.

—: Там есть?

Блаватская: Определённо есть. Её искали, о её существовании подозревали, но её не могут найти.**

—: То есть она не видна физическому зрению?

Блаватская: Видна, но она в своём последнем затемнении. Её будет видно с Меркурия. Когда там будет образована какая-то другая планета, эта станет луной. Для этого есть цифры.

Гарднер: Под каким именем она была известна?

Блаватская: О, вам хотелось бы это знать! Спросите вашего наставника. Я не знаю, так что не смогу вам сказать. Её хотели назвать Вулканом; они говорят, что по-

дозревали. Я не знаю, что говорили некоторые из них; другие её отрицают.

Гарднер: Когда наступило затмение?

Блаватская: Думали, что что-то было, но я не думаю.

—: А нахождение в затемнении делает планету невидимой?

Блаватская: Она может появиться снова, понимаете, но она в своей последней яркости. Она такая, как была раньше Луна, потому что Луна была намного меньше видима, чем сейчас. Сейчас она вампиризирует Землю, но раньше ей не приходилось ничего вампиризировать; и это была последняя степень истощения.

Холт: Я не думаю, что её светимость должна иметь какое-то отношение к видимости её с нашей Земли. Чем она темнее, тем лучше для нас, потому что мы могли бы увидеть её при прохождении по солнечному диску.

Б. Кийтли: Но они воображают, что им удалось увидеть её во время затмения.

Гарднер: Вы говорите, Луна нас вампиризирует?

Блаватская: Конечно, вампиризирует. Все луны и все родители в этом космосе вампиризируют своих детей.

Гарднер: Луны Сатурна и Юпитера тоже?

Блаватская: Они такие же, у них нет альтруизма. Это выживание наиболее приспособленного. Только у [] не должно этого быть.

—: Есть ли у вас какая-нибудь теория относительно многочисленных малых планет?

Б. Кийтли: Их 178 или больше. Это планетоиды.

Блаватская: Нет и малейшей звёздочки, которую бы не персонафицировали. Вы можете представить, как много, когда только экзотерически дают 330 миллионов богов, и каждый из них звезда — видимая звезда или планета.

Б. Кийтли: И у каждого есть история.

Блаватская: Теперь у астрономов не более 60000 звёзд.

Б. Кийтли: У них несколько миллионов.

Холт: Беря зодиак, 218 000 000.

Блаватская: А у индусов 330 000 000, и у каждой есть история и своё место в пространстве.

Кингслэнд: Своя жизнь и приключения.

Блаватская: Да, и я привлекаю это, потому что каждый бог связан со звездой, вот почему. Они, знали всё, я вас уверяю, они были удивительными людьми. Почему они, не имея телескопов, в совершенстве знали семь Плеяд и седьмую сестру, которая исчезла, и которую едва можно увидеть в самый лучший телескоп? А они знали совершенно, и она не исчезла в их времена. Потому сосчитайте, сколько тысяч лет уже у них должны быть эти астрономические знания.

Б. Кийтли: Их таблицы движения Луны, которые, как абсолютно доказано, получены независимо, точнее, чем самые лучшие современные.

Блаватская: Конечно же, это удивительно, и у них ведь нет телескопов. Что у них было? Самые примитивные вещи, и тем не менее посмотрите, как они это знали. Потому что в храмах и иерофанты, дваждырождённые, знали все эти вещи в тысячу раз лучше, чем мы сейчас. Но они об этом не говорят; это ушло. У них это было священно. Они не пускались в рассуждения просто на материальном плане, как делают это здесь. Это было их религией, их самой священной доктриной. Конечно, они не выдавали это *hoi polloi* (народным массам).

Холт: У них не могло быть телескопов, нужных, чтобы видеть все эти вещи. Не могли ли они видеть их астрально?

Блаватская: В Плеядах они исчезли. Теперь их не увидеть без телескопа.

Холт: У неё есть своё астральное соответствие, двойник. Тогда они могли видеть.

Блаватская: Они могут видеть не только это. У них были свои видящие, но также были и астрономы.

Гарднер: У них тоже были свои инструменты.

Блаватская: Это то, о чём пишет Проктор* — знание халдеев и египтян.

Гарднер: Была ли у них какая-либо сила, подобная силе Кили?

Блаватская: Это немного. Я полагаю, силу Кили смог бы произвести любой йог.

Б. Кийтли: Насчёт этой идеи нет ничего основательно подтверждённого. Я думаю, что это ерунда. Он мог бы каким-то образом испльзовать её для усиления способности восприятия, но я не вижу, как можно использовать его вибрирующий эфир в качестве телескопа. Кто-то утверждал, что Кили мог заставлять свои вибрационные силы служить телескопом.

А. Кийтли: [Франц] Хартманн сказал, что видел это. Он сказал, что он мог смотреть в трубку, куда была отражена или каким-то образом подведена эта сила, и видеть, как микроб увеличивается до размеров апельсина.

Гарднер: Какое же там увеличение?

А. Кийтли: Не знаю, сколько тысячных долей дюйма она измеряет. Я имею в виду микроскоп. Но если можно заставить силу Кили увеличивать в таком размере, то непременно можно применить тот же принцип и для телескопа.

Б. Кийтли: Да, если сможете.

Холт: Я не вижу применения ей.

А. Кийтли: Но Хартманн сказал, что он это видел.

Блаватская: Он говорит только одну вещь, которая привлекла ваше внимание, и он говорит одну вещь, которая выглядит очень похоже на нашу теорию, только выражает иными словами. Он говорит, что Солнце — мёртвая планета. Я говорю, что это выглядит очень похоже на то, что говорим мы. Солнца никто не видел; это просто тень настоящего Солнца, которое совершенно невидимо, и в этом смысле, конечно, вы можете назвать его мёртвым. Вы получаете лучи света, и тень сильна.

—: Оно выбрасывает огромные фонтаты расплавленной материи.

Блаватская: Он даёт своё обоснование этому, а я говорю то, чему учит оккультизм. Я говорю — это не Солнце мы видим; мы видим тень, экран, фантом; истинное Солнце невидимо вовсе.

На этом обсуждение завершилось.

Продолжение следует

* Р.А. Проктор, английский астроном (1837–1888). Блаватская в «Тайной доктрине» цитирует его книгу «Мифы и чудеса астрономии», вышедшую в 1878 г. (R.A. Proctor, «Myths and Marvels of Astronomy»). — Прим. ред.

Ч. Ледбитер

КОМНАТА БАРОНА

Елена Петровна Блаватская была гением многосторонним — самой замечательной личностью из тех, которые мне приходилось встречать. Её последователи, естественно, думают о ней как о великом оккультном учителе, которому мы все так обязаны, но для нас, кому посчастливилось знать её во плоти, она гораздо более чем это, и её образ, сложившийся в наших умах, состоит из многих разнообразных частей. Например, она блестяще играла на фортепиано — в тех редких случаях, когда она решала продемонстрировать этот талант. Хотя она ненавидела условности и часто безо всякой необходимости (по крайней мере, так думали мы в те дни) демонстративно их нарушала, я никогда не видел кого-либо, кто бы лучше её (когда она этого хотела) мог играть роль великой аристократки. Она была блестящей собеседницей и могла поддержать разговор на любую тему, но больше других ей давалась область оккультного. Все её рассказы были остроумны и драматичны, но лучше всего у неё получались истории о привидениях.

Я никогда не забуду вечеров, проведённых с нею на палубе океанского парохода «Наварино», когда мы слушали её рассказы по пути из Египта в Индию в 1884 г. В компании пассажиров был очень силен миссионерский элемент, и некоторые из их представителей были грубыми агрессивными невеждами — тип, распространённый тогда, пожалуй, больше, чем сейчас. Стички были частыми и очень нас забавляли, потому что Блаватская знала христианские писания и религию намного лучше, чем эти самозванные их толкователи. Но даже самым сердитым из них приходилось уступать её очарованию, когда по вечерам, после обеда, она начинала рассказывать на палубе истории о привидениях. Она держала аудиторию зачарованной и играла на слушателях, как на музыкальных инструментах, с удовольствием заставляя их волосы вставать дыбом, и я часто замечал, как после какой-нибудь из этих историй они старались держаться парами, чтобы ни на мгновение не оставаться в одиночестве!

Так вот мы слышали «Пещеру Озерков», «Заколдованную жизнь» и другие легенды, которые все желающие могут прочесть в сборнике «Кошмарные рассказы». Я помню один поразительный рассказ, который не попал в это собрание. Если бы я мог надеяться рассказать его, как рассказывала она, мои читатели могли бы испытать некое подобие того чувства, с которым слушали его мы, но я знаю, что так не получится. Однажды я так, как мог, рассказал его своей подруге, известной писательнице. Она сделала всё, что могла, изменив подробности, чтобы сделать его более эффектным и драматичным, добавив образности, но даже это не воспроизвело того волшебного очарования, которым наделила его мадам Блаватская. Я же не могу надеяться пересказать его даже так, как писательница, но тем не менее попытаюсь, и насколько позволяет моя память, постараюсь как можно точнее следовать той первоначальной форме, в которой его передала Блаватская.

* * *

Два молодых человека (назовём их Шарль и Анри) путешествовали пешком по одной из самых живописных частей Франции. Однажды вечером они подошли к красивому городку, лежащему в уединённой долине. Его гостиницы, магазины и более мелкие домики сгруппировались вдоль ручья, тогда как большие дома более важных обитателей располагались на пологих склонах окружающих холмов. Двое друзей собирались переночевать в главной гостинице этого местечка, а у одного из них, Шарля, был знакомый, живший на окраине, которого он желал навестить.

Как только дорога начала спускаться в селение, они обратили внимание на особенно живописный старинный дом, почти полностью увитый плющом и другими вьющимися растениями. Он стоял на некотором удалении от дороги, и сам дом, и его обширная территория производили впечатление некоего запустения. Было совершенно ясно, что дом необитаем и был таковым уже на протяжении многих лет. Друзей очень поразил его вид и красота расположения, и Анри, увлечённый коллекционер старинной мебели, сразу начал рассуждать о том, какие сокровища могли там скрываться. Поскольку дом был очевидно обитаемым, у них естественно возникла идея, что они могли бы убедить сторожа показать им дом, так что они направились к маленькой сторожке, которая хотя и носила общую печать запустения и почти заросла пышной растительностью, имела вид обитаемой.

В ответ на их стук вышел древний старик. Они попросили разрешения посмотреть дом изнутри, но старик с вежливым сожалением ответил, что это не разрешается. Они завели разговор с этим старым попечителем, который, как видно, был одинок и радовался всякой возможности поговорить с людьми. Анри сразу же спросил о мебели, и когда он услышал, что она старая — очень старая, — и что всё остаётся нетронутым, точно таким же, как было много лет назад, когда в доме ещё жили, его охватило непреодолимое желание её увидеть, и он намекнул старику, так деликатно, как только было возможно, что он готов предложить за это существенное вознаграждение. Но старик лишь отвечал:

— Нет, мсье, сожалею, но это невозможно. Я был бы рад воспользоваться вашей щедростью, поскольку я беден и время меня не пощадило. Но это совершенно невозможно.

— Но, в конце концов, — спросил Анри, — почему? Очевидно, что здесь не живут многие годы, дорога пустынная, никто по ней не ходит и никто даже не узнает. Почему же вы не можете оказать нам милость и позволить посмотреть комнаты, и в то же время заработать на этом?

— Ах, мсье, я не решаюсь, — ответил старик. — Это не потому, что хозяин или агент против; как вы сказали, они и не узнают. Дело обстоит гораздо хуже и серьёзнее! На самом деле, я просто не могу на это отважиться.

Унюхав, что тут какая-то тайна, друзья стали давить на старика и убеждать его, чтобы он открыл истинную причину, и наконец с большим трудом они вытянули из него признание, что у дома дурная репутация, и вот почему как минимум на протяжении двадцати лет никто в него даже не заходит — кроме агента, изредка устраивающего инспекционный осмотр. Как ни любил Анри старинную мебель, ещё больше он интересовался психическими явлениями. Сразу заподозрив интересную историю, он спросил:

— Вы говорите, у дома плохая репутация. Вы имеете в виду, что его посещает привидение?

— Увы, да, мсье! — ответил старик, — И это не просто слухи, это страшная правда.

Конечно же после этого друзья не могли успокоиться, пока не услышали всю историю, хотя им стоило многих трудов вытянуть её из старика, который с большой неохотой говорил об этом и не раз корил себя в процессе рассказа. История была довольно простой: последний владелец был злым человеком, у которого были какие-то тёмные делишки; говорили, что он проводил своё время в оргиях, будучи чудовищем похоти, жестокости и эгоизма. Подробностей старик не знал, но так или иначе грехи барона стали всем известны, его дела пришли к ужасному кризису, выход из которого он нашёл (или думал, что нашёл) в самоубийстве. Однажды вечером он совершенно неожиданно вернулся из Парижа, а на следующее утро его обнаружили сидящим в своём огромном кресле с перерезанным горлом.

После этого, как сказал старик, стали происходить какие-то ужасные явления, и поползли всевозможные страшные истории. Ему было мало известно об их характере, так как это было много лет назад и он так и не смог его понять. Как он считал, из-за судебных процессов состояние семьи истощилось, а дом перешёл в руки дальних родственников. Только через много лет после смерти барона тяжбы были завершены и новый собственник смог вступить в свои права. Но даже после этого дома не касались, пока его не осмотрит новый хозяин. Была лишь прислана армия садовников, которые привели в порядок территорию. Новый хозяин с женой и слугами въехал в дом, но после одной проведённой там ночи они вернулись в Париж, заявив, что ничто уже не заставит их войти туда опять.

— Что же с ними случилось, — нетерпеливо спросил Анри, — что они там видели?

— Этого я не знаю, мсье, — ответил старик. — Рассказывали много историй, но мне не известно, которая из них — правда. Тогда владельцы попытались сдать дом. Два раза въезжали жильцы, но никто из них не задерживался дольше, чем на одну ночь. Второй случай кончился скандалом — госпожа была так напугана, что у неё начались припадки. Мне рассказывали, что в конце концов она сошла с ума и умерла. С тех пор уже не делалось никаких попыток сдать это поместье. Но четыре раза приезжали незнакомцы с записками от владельца, дающими разрешение переночевать в доме, и каждый раз происходило что-нибудь ужасное. Один перерезал себе горло, подобно мсье барону, другой умер от припадка, а двое остальных сошли с ума от ужаса. Так репутация этого места делалась всё хуже и хуже.

— Друг мой, посмотрите сюда, — сказал Анри, — и уделите внимание тому, что я собираюсь сказать. Я сказал вам, что интересуюсь старинной мебелью и хотел дать вам один наполеон, чтобы вы дали мне посмотреть обстановку этого шато. Но в сто раз больше я интересуюсь домами с привидениями, и после того, что вы мне рассказали, я определённо должен провести ночь и в этом доме, и дам вам сто франков, если вы позволите это мне.

— Это совершенно невозможно, правда, — отвечал старик. — Вы несомненно погибнете, а я стану вашим убийцей. Конечно, я бы мог, но бесполезно меня об этом просить.

Но все эти протесты только прибавили Анри решительности, и он стал повышать своё предложение, убеждая старика, что его вины никакой не будет, что бы ни случилось, и если он хочет, он может лишь отпереть дверь, а потом закрыться в своём домике, не имея к даль-

нейшему никакого отношения. Попечитель мучался в нерешительности. Большой бакшиш, несомненно, повлиял на его решение, но ещё больше — французская учтивость и доброта, не позволявшая разочаровывать убеждавшего его обходительного незнакомца, сердце которого, очевидно, лежало к тому, чтобы сделать этот эксперимент. Но его суеверный страх был сильнее жадности, и потребовался час, чтобы, доведя его почти до слёз, добиться от него неохотного согласия.

Он согласился провести их по дому днём и показать им посещаемую привидением комнату барона, а также (в отчаянии ломая руки) пообещал, когда они придут после наступления темноты, дать им ключ, если они зайдут в его сторожку у ворот, но они ни при каких обстоятельствах не должны были ожидать, что он выйдет за дверь или приблизится к беспокойному дому. И даже при этом он снова и снова повторял, что умывает руки от всякой ответственности, их судьба решена и он может лишь доверить их души Богу.

Они тепло говорили с ним, хлопали его по плечу и убеждали, что завтра он выпьет с ними бутылочку вина, смеясь над своими предчувствиями, но ничто не могло разубедить его от печальной уверенности в их скором конце. Он провёл их по дому (где Анри пришёл в восторг от великолепных образцов замечательной старинной мебели), обратил их внимание на портрет барона в гостиной, а затем показал им длинную комнату на первом этаже, служившую барону кабинетом, и то самое кресло, в котором он покончил самоубийством.

Прежде чем уйти, они всучили ему обещанные деньги, но как он в них ни нуждался, он принял их с явной неохотой, сказав:

— Господа, для меня это удача, и всё же я чувствую, что не должен их брать, потому что уверен, что это цена ваших жизней, и быть может, также и ваших бессмертных душ. Мсье барон был злым человеком, и кто знает, что случается с его жертвами?

Они оставили его, невольно впечатлённые его непреодолимо мрачным настроением и отчаянием, хотя и улыбаясь, беседуя о предстоящем приключении. Так что они продолжили свой путь в очаровательный маленький городок и сели подкрепиться тем, что им могла предложить блестящая маленькая гостиница. Они договорились вернуться в странный дом в полдесятого, а пока что не было ещё и шести.

У Шарля, как мы сказали, по соседству были друзья, которых он хотел навестить; он указал Анри их дом, когда они спускались в городок с холма. Анри не был с ними знаком, а кроме того, ему нужно было срочно написать кое-какие письма, что послужило ему поводом не сопровождать Шарля. Вскоре последний вернулся с тёплым приглашением на обед для обоих туристов, но Анри ещё не окончил своих писем, так что он уговорил Шарля отправиться одному с извинениями, но обещал зайти за ним в полдесятого, поскольку дом его друзей был в общем-то по пути в беспокойное шато и был лишь чуть в стороне от дороги туда от гостиницы. С этим Шарль опять отправился к своим друзьям, тогда как Анри заказал себе в гостинице небольшой обед и опять сел писать свои письма.

Как раз вовремя пообедав, окончив и отправив свои письма, за несколько минут до полдесятого он отправился к указанному Шарлем дому. Когда он писал, его мысли были полностью заняты работой, но теперь, когда он был от неё свободен, на горизонте замаячило приключение, в которое он был готов пуститься, и он не мог не признать, что теперь, когда спустилась ночь, оно выглядело куда менее приятным и героическим, чем казалось в тёплом свете летнего вечера.

Он даже сознавал полуформировавшееся желание сбегать и лечь в уютную кровать маленькой чистенькой гостиницы, но отогнал эти закравшиеся мысли, убедив себя, что нельзя упускать эту великолепную возможность. И ещё больше на него подействовал такой довод: как можно быть столь эгоистичным и разочаровать Шарля, который пусть не столь бурно выражал своё желание, но столь же хотел участвовать в этом приключении, как раньше и он сам. Он достаточно цинично признался себе, что определён нервноничает, и будь он один, он бы сразу же отказался от этого предприятия, но с ободрением и поддержкой своего более флегматичного друга он мог бы с честью пройти через это всё. Но его мысли всё равно возвращались к мрачной судьбе четырёх его предшественников, и он спрашивал себя, нервничал ли кто-нибудь из них так же, как он.

Вскоре он прибыл к указанному дому, и там, в тени маленького портика над лестницей перед входной дверью, он увидел ожидавшего его уже Шарля, который, будучи пунктуальным и, очевидно, не желая терять времени, не стал дожидаться в доме, а уже попрощался с хозяевами и закрыл за собой дверь. Анри тепло приветствовал его, но, как ему показалось, Шарль едва ответил, спускаясь по ступенькам. Ночь была не очень тёмной, но всё же Анри не удалось толком разглядеть лицо своего друга. Взглянув ему в лицо, он немногое смог увидеть, но всё же ему показалось, что Шарль, похоже, *не в себе*: он был рассеян, погружён в свои мысли, а в коротких ответах на вопросы Анри сквозила какая-то угрюмость.

После нескольких безуспешных попыток вывести его на оживлённый разговор, Анри тактично оставил его в покое, иногда делая лишь замечания на маловажные темы, не требовавшие ответа. Он решил, что наверно ему испортила настроение какая-то неожиданная неприятность, приключившаяся в доме друзей, а может быть, он услышал плохие новости. Но Анри не стал дальше расспрашивать, в чём дело, будучи уверен, что друг поделится с ним этим, когда сочтёт нужным. Его собственные ощущения тоже были далеки от приятных. Его нервозность, похоже, росла, и он чувствовал, как будто что-то медленно, но верно вытягивает из него силы, храбрость, саму его жизнь. Никогда раньше он не чувствовал себя так некомфортно и так странно.

Так что их путь к дому с привидением был довольно молчаливым. Когда они постучались в дверь сторожки старого попечителя, он встретил их новыми бурными протестами и сожалениями, сказав, что чем больше он думает об этом плане, тем больше чувствует, что не должен в нём участвовать. Он даже дошёл до того, что предложил вернуть им деньги, объявив, что не сможет примириться со своей совестью, приняв их. Однако Анри опять стал его ободрять и убеждать, что всё будет хорошо, и когда завтра они встретятся живыми и здоровыми, он даже ещё немного добавит к тому весьма щедрому приношению, которое уже сделал.

Старый сторож запротестовал, уверяя двух друзей, что они ему и без того переплатили, и что если им действительно посчастливится сохранить свои жизни и свой рассудок, для него будет достаточной радостью увидеть их наутро живыми и здоровыми. Анри был тронут озабоченностью старика, сердечно пожал ему руку и пожелал спокойной ночи. Шарль же всё это время оставался на заднем плане, практически ничего не говоря — за исключением того, что было уж совсем необходимо. Очевидно, мрачное его настроение не совсем ещё прошло, и Анри удивлялся, что же за причина смогла всего за несколько часов так радикально переменить настроение друга.

Они отперли дверь, вошли в этот большой заброшенный дом, и с помощью тусклого фонаря, которым они запаслись заранее, без труда нашли путь в кабинет покойного барона. Это была любопытная комната, выдающаяся в сад с одной стороны дома, как иногда делают миллиардеры, что наводило на мысль, что она была пристроена позже и не входила в первоначальный проект. Она была длинная и узкая, с многочисленными створчатыми окнами с каждой из сторон по длине, открывавшимися до самого пола; тогда как каждый из концов комнаты был почти полностью занят гигантскими зеркалами, трюмо. Это производило примечательный эффект: если смотреть вдоль комнаты, получалась иллюзия, будто она продолжается в обоих направлениях до бесконечности, и всё в ней находящееся повторялось снова и снова в бесконечной перспективе. Там было множество разнообразной мебели, а в каждом из четырёх углов стояли рыцарские латы, так, как будто в них кто-то был. В центре стоял большой и снабжённый всем необходимым письменный стол, перед которым стояло кресло барона — то самое, в котором он совершил самоубийство.

Наши друзья упростили старика, чтобы он заранее приготовил для них лампу, и скоро они её зажгли. Однако комната была такая большая, что для уютного её освещения потребовалось бы двадцать таких ламп, так что отдалённые углы её оставались во мраке, навевая соответствующие мысли. Бесконечное отражение света в огромных зеркалах давало жутковатый эффект. Там стоял густой затхлый запах, всегда сопровождающий комнаты, которые стояли долго закрытыми, и Анри уже стал остро ощущать чувство дискомфорта и тоски по удобной, прозаичной гостиничной комнате XIX века.

К тому же он ощущал всё большую слабость; он чувствовал то, что должно быть, чувствует муха, когда паук высасывает всю её кровь, оставляя одну пустую оболочку. Ясно, что признавать этого не хотелось, так что он пытался скрыть свои сомнения лёгким разговором, пытаясь разговорить Шарля и вывести из его подавленного по-видимому расположения духа. Ему удалось получить только очень краткие ответы; было очевидно, что Шарль пребывает всё в том же настроении: фактически, казалось, что он погрузился в него ещё глубже. Теперь, когда Анри мог видеть его яснее в ярком свете лампы, странность внешнего вида и поведения производила на него ещё большее впечатление. Похоже, Шарль сам в какой-то мере это сознавал и старался избегать света. Он растянулся на диване и долгое время оставался там неподвижно, лишь односложно отвечая на оживлённые замечания своего друга.

Со временем, однако, эта странная безучастность сменилась столь же странным беспокойством — он внезапно вскочил с дивана и принялся расхаживать туда и сюда по комнате, подобно дикому зверю в клетке. И Анри стало казаться, если конечно это была не игра воображения, что сравнение с диким зверем — более чем просто сравнение. Это была не просто неумная ходьба туда-сюда — поведение друга, обычно мягкое и мирное, было проникнуто какой-то свирепостью, которую приходилось подавлять. Анри не мог понять своих собственных чувств и пытался отбросить их как смехотворные, но эта непрерывная ходьба стала уже в такой степени действовать ему на нервы, что он был вынужден попросить своего друга прекратить. Последний едва его понимал — по крайней мере, пока не пришлось повторить эти слова не один раз, — и тогда со странным, нетерпеливым восклицанием он снова бросился на диван, однако, уже не затем, чтобы пребывать в апатии, ибо было очевидно, что его неумность никуда не делась и он не мог оставаться в одной позе дольше нескольких секунд.

Всё это заставляло Анри чувствовать себя определённо не в своей тарелке, он понимал, что никакое обычное происшествие не способно было вполне объяснить эту перемену, и начал бояться, что на друга напала какая-то болезнь. Лучше бы ему было не проявлять такой охоты ввязываться в это приключение, подумал он, ибо, как уже говорилось, вера в счастливое его завершение основывалась и на присутствии и помощи его друга, а теперь с ним произошло что-то странное, и на него, по-видимому, надеяться было уже нельзя. Однако полночь, когда предположительно должен был явиться барон, быстро приближалась, и он решил, как только этот ведьминский час минет, отвести своего друга в гостиницу и уложить в кровать, а если на следующее утро не наступит заметного улучшения, обратиться к местному врачу.

Тем временем возбуждение Шарля становилось всё более несдержанным; он снова вскочил и возобновил своё странное хождение туда и сюда крадущимися шагами, будто таящими в себе какую-то скрытую угрозу. Теперь он уже не обращал никакого внимания на замечания своего друга, по-видимому даже их не слыша, а вкладывал свою свою энергию в это странное и непрестанное разгуливание. Глядя на него, Анри казалось, что само лицо его изменяется, и в его уме всплыли неуместные воспоминания о том, как на спиритических сеансах ему иногда приходилось видеть, как меняется лицо медиума, когда контроль над ним захватывает какой-нибудь дух. Его собственное беспокойство и нервозность становились невыносимыми, и хотя странное угрюмое настроение друга определённо не располагало к дальнейшему вмешательству, он чувствовал, что должен попытаться ослабить напряжение ещё одним увещанием. Но только он собрался что-то сказать, как Шарль внезапно уселся, да не на избранный им поначалу диван, а на кресло барона перед столом. Там он сидел, инертный и ни на что не реагирующий, пряча глаза от света.

— Вставай, вставай! — воскликнул Анри. — Разве ты не знаешь, что это то самое кресло, в котором, как говорят, сидит барон? И, — добавил он, взглянув, на часы, — его час наступит через несколько секунд!

Но Шарль не обращал на это внимания и оставался неподвижен. Потеряв от возбуждения над собой контроль, Анри бросился к нему и стал трясти его за плечи, громко взывая к нему:

— Вставай, просыпайся! Да что с тобой?

В момент, когда он это говорил, большие часы на башне начали бить полночь. Внезапно раздался какой-то звук, вроде треска, который отвлек внимание Анри и заставил посмотреть в один из концов комнаты, и когда его взгляд упал на одно из зеркал, он увидел в нём себя и Шарля, ярко освещённых большой лампой, стоявшей на столе возле них. Он увидел своё удивлённое лицо и лицо Шарля, которое тот затенил рукой. Но пока Анри смотрел в зеркало, другая фигура подняла голову, и поражённый ужасом, он осознал, что видит вовсе не лицо своего друга! Это было лицо барона, в точности, как они видели на портрете, и в этот самый момент он снова совершал самоубийство, проведя по горлу бритвой.

С криком ужаса Анри отвёл глаза от зеркала и посмотрел на фигуру, которой он касался рукой. Ошибки быть не могло — это было не лицо его друга, а лицо барона, смотревшее на него с гадкой, злобной усмешкой победителя. Тут Анри почувствовал, как поток крови течёт прямо по его руке. Ему казалось, что этот поток нашёл путь прямо в его мозг, и он упал без сознания.

Прошло много времени, прежде чем он проснулся от того, что его трясли за плечо и спрашивали — «Где ваш друг?»

Несколько секунд его мысли были настолько спутаны, что он был не в состоянии ответить, но через некоторое время он собрался с мыслями и осознал своё положение. Он лежал на полу в комнате барона, вблизи стола посреди комнаты, а над ним с взволнованным и перепуганным лицом склонился сторож.

— Где ваш друг, мсье? — спрашивал он опять. — Где другой джентльмен?

В памяти моментально восстановились ужасные события прошедшей ночи, и он сел и огляделся. Шарля действительно было не видеть, равно как и следов отвратительной фигуры, повторившей самоубийство барона. Он не мог ответить на вопрос старика, но чуть позже достаточно собрался, чтобы рассказать свою историю. Старый сторож сожалел и ломая руки, снова и снова повторял, что он знал с самого начала, что из этой безумной авантюры ничего хорошего не получится, и отчаянно ругал себя, что позволил себе в ней участвовать, пусть и самым косвенным образом.

— То, что ваш друг исчез, это странно и ужасно! — восклицал он.

— Да, — сказал Анри, — Мы должны обыскать дом. Возможно, поражённый ужасом, он убежал и спрятался где-нибудь. А может быть, он упал в обморок, как и я, но в какой-то другой комнате. Пойдёмте и поищем.

— А вы мсье, вы ведь ранены? — спросил старик?

— Нет, — ответил Анри, — думаю, что нет, я лишь ощущаю дрожь и сильную слабость.

— Но посмотрите на свою руку — она в крови!

К своему ужасу, Анри убедился, что это так. Кровь барона (или Шарля — ибо он не знал, где правда) стекла по его руке при повторении самоубийства и осталась на ней отвратительным свидетельством реальности той ужасной сцены!

— Принесите мне воды! — Крикнул он старику. — Принесите воды сейчас же, или я отрежу себе руку!

Старик быстро принёс ведро воды из колодца, находившегося неподалёку, и скоро смыл эти зловещие следы; но хотя они смылись водой совершенно обычным образом и были уже не видны, ощущение было такое, что они всё ещё на руке и она никогда уже не сможет стать снова чистой. Медленно, поскольку он был ещё очень слаб, они прошли по комнатам старого дома, но тщетно — никаких следов Шарля найти не удалось. Они видели свои следы, оставленные ими на пыли, когда они осматривали дом прошлым днём, но не обнаружили никаких других, и ничего, что могло бы прояснить это исчезновение.

— Должно быть, его забрал дьявол! — воскликнул старый сторож.

Они обыскали и ближайшую часть сада, но силы совсем покинули Анри, и это дело осталось незавершённым, так как он решил вернуться в городок и расспросить людей там. Прежде чем покинуть старика, он обратился к нему и сказал, убеждая его:

«Не печальтесь, вы всё сделали правильно. Вы приложили все возможные усилия, чтобы убедить нас отказаться от этого безумного эксперимента, но мы не слушали предупреждений. Вы никоим образом не ответственны за любой вред, последовавший из него. Я не знаю, где мой друг и совершенно не понимаю, что произошло прошлой ночью, но полностью отказываюсь верить, что мой друг унесён дьяволом. Если он видел то же, что и я (впрочем как он мог, когда это был он сам — я не понимаю!) — он мог испугаться и убежать. Я ещё найду его, я надеюсь, но в любом случае будьте увере-

ны — вы не сделали ничего, за что могли бы себя корить, и я вас никогда не буду укорять; не расскажу я ничего и о событиях прошлой ночи, если только не буду вынужден сделать это в интересах своего друга. Сейчас я отправлюсь в городок, но прежде, чем покинуть его, если у меня будут новости, повидею вас снова.»

Пожав старику руку, Шарль оставил его немного утешенным.

Пока он медленно брёл в направлении городка, его ум полнился возбуждёнными размышлениями. Он едва ли способен на связную мысль или логические построения, тем более что перед пережитым кошмаром отступал всякий разум. Он не мог даже размышлять о том, что он должен предпринять и нужно ли уведомить власти об исчезновении друга.

Прежде чем прийти к какому-либо решению, он уже оказался возле гостиницы и направился в свой номер, не привлекая внимания. Он зашёл в комнату Шарля, но там не было никаких следов его пребывания, даже на кровати не спали. Анри вернулся в свою комнату и бросился на кушетку, потому что ему казалось, что больше всего ему нужен отдых, что он должен выспаться прежде чем быть в состоянии разбираться с этим странным и ужасным несчастным случаем. Он чувствовал, что нужно что-то предпринять, причём сразу, и всё же не мог ничего сделать, да и не знал, что делать. Он знал, что организму нужен сон, но беспокойство всё же не давало ему спать. Так он некоторое время пролежал, смутно гадая, что же из всего этого выйдет. Его усталое тело почти уже погрузилось в сон, когда внезапно дверь открылась. Перед ним стоял Шарль, одетый как обычно, и выглядел он так, как будет вообще ничего не произошло!

Анри вскочил, и дико крича непонятно что, бросился к поражённому Шарлю и схватил его за руку, чтобы убедиться, что это действительно он, а не галлюцинация его мозга, наполовину сведённого с ума.

— Мой дорогой, что это с тобой? — спросил Шарль. — Что случилось?

— Слава Богу, это ты! — сказал Анри, — и ты снова в порядке, но это *тебя* я должен спросить, что случилось и куда ты делся той ночью, когда ты так таинственно исчез.

— Исчез?! — удивился Шарль. — Что ты имеешь в виду? Я оставил тебя около шести, как ты знаешь, и ты должен был зайти за мной в дом моего друга в полдесятого, но ты так и не пришёл, и я действительно волновался за тебя.

— Не пришёл?! — воскликнул Анри. — Как это понимать? Конечно же я пришёл, мы встретились...

— Что? — прервал Шарль. — Встретились? Но я не видел тебя с тех пор, как вышел из гостиницы в шесть. Здесь какая-то загадочная история, и судя по твоему виду, ужасная. Садись теперь и расскажи мне всё.

— Хорошо, — сказал Анри, — но сначала скажи мне, где ты провёл ночь.

— В доме друга, конечно, — сказал Шарль. — Я отобедал с ним, как и собирался, но к сожалению, после обеда на меня навалилась какая-то слабость. Ничего серьёзного, но это продолжалось некоторое время, я нетвёрдо держался на ногах, и друг настоял, что в таких обстоятельствах я и думать не должен о нашем опасном предприятии, и что мне не стоит даже пытаться вернуться в гостиницу, пока я ночью не отдохну у него. Со всей добротой они принялись суесть, уложили в свободной комнате, дали мне сердечное средство, заверив, что когда ты зайдёшь, они всё тебе объяснят, а если я ещё не засну, проведут тебя ко мне. Но задолго до назначенного нами времени я заснул под действием их лекарства. Я проспал до утра и проснулся со-

вершенно отдохнувшим и полным сил. Услышав, что ты так и не пришёл, я заволновался и решил выяснить, в чём дело, так что сразу же поспешил в гостиницу, и вот я здесь! Мне не терпится выслушать твою историю.

Анри рассказал всё, как мог, и его рассказ то и дело сопровождался удивлёнными восклицаниями Шарля, и постепенно они стали выстраивать нечто вроде теории о том, что же в действительности произошло. Ясно было одно: ужасный барон каким-то образом прознал про их намерения, возможно, невидимо сопровождая их днём во время осмотра его дома, а затем решил завлечь Анри в ловушку, которая вполне могла бы оказаться для его смертельной, заняв место друга, на компанию и помощь которого Анри полагался в осуществлении своего плана. Возможно, барон и вызвал недомогание Шарля; и уж несомненно, он решил воспользоваться этим, чтобы явиться под его маской; столь же ясно, что он поддерживал эту материализацию путём высасывания сил из Анри.

Особый ужас этого положения состоял как раз в том, что Анри чувствовал себя необычайно нервно и конечно же не предпринял бы своего исследования без присутствия и поддержки своего друга; и в самый критический момент, когда эта поддержка была нужна больше всего, друг и оказался там самым привидением! Они часами обсуждали это, но ничего больше извлечь из этого не смогли. В одном они были совершенно согласны — что дальнейших исследований загадки комнаты барона они предпринимать не будут.

Тем не менее, они чувствовали себя обязанными нанести визит в сторожку попечителя, чтобы освободить его ум от груза их странного приключения. Но они позаботились сделать это в полдень, и ничто не заставило бы их снова войти в этот роковой дом. Они нашли старого попечителя погружённым в самое мрачное отчаяние, но когда он увидел обоих живыми и невредимыми, он стал горячо благодарить Бога и объявил, что с его сердца свалился огромный груз, ведь всё утро он думал, что никогда не простит себя за участие в событиях прошедшей ночи.

Они рассказали ему свою историю, поскольку он был её участником и должен был её знать. Они поинтересовались, видел ли он мсье Шарля тем вечером и не заметил ли в нём чего-то необычного, но старик сказал:

— Нет, я не обратил особого внимания на второго джентльмена, но теперь, когда я возвращаюсь в мыслях к этим событиям, то припоминаю, что он действительно стоял в стороне от света, падавшего из открытой двери. Тогда я не обратил на это внимания, поскольку и сам был в возбуждённом умонастроении.

Затем он снова стал говорить, какое для него облегчение, что на нём нет ничьей крови, поскольку оба живы и здоровы.

Они уговорили принять его ещё один подарок, уверяя его, в ответ на его протесты, что пережитый ими опыт вполне этого стоил, но хотя он и стал намного богаче благодаря этому странному происшествию, он горячо клялся никогда снова, ни при каких обстоятельствах, даже за все богатства Ротшильдов, никому не давать разрешения провести ночь в комнате барона.

Перевод К.З.

«Вестник теософии» (альманах эзотерической философии).
Тираж 150 экз.

Редакционная коллегия:

Г. Авруцкий, А. Арманд, Л. Кривич, Н. Славинская.

Главный редактор — К. Зайцев.

Адрес редакции: Московская область, 143500, а/я 77.

E-mail: mto@theosophy.ru

Наш сайт — www.theosophy.ru